

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Звезды и Лисы

Татьяна Устинова. Первая среди лучших

Татьяна Устинова
Звезды и Лисы

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Звезды и Лисы / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2018 — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших)

ISBN 978-5-04-096936-4

Знаменитый рэпер ПараDon'tOzz, в миру Сандро Галицкий, купается в славе и деньгах. Журналисты и поклонницы не дают ему проходу. Его брат Ник немного посмеивается над ним, но какая разница, что думает брат, начальник отделения в обыкновенном НИИ?.. В одночасье все меняется. ПараDon'tOzza обвиняют... в убийстве совершенно постороннего человека, почему-то завещавшего рэперу и его брату все свое имущество. Неожиданное наследство выходит достаточно солидным, а смерть завещателя выгодна только наследникам. Сандро и Нику всерьез угрожают суд и тюрьма. Преодолевая разногласия – все же они очень разные, – братья должны во всем разобраться. Вокруг них происходят страшные и темные дела. Погибает приятель ПараDon'tOzza, в дело вмешивается странная девушка, называющая себя Лисой, которая явно что-то скрывает. И тут история принимает совсем уж неожиданный оборот – оказывается, неизвестный завещатель много лет прослужил в разведке!.. У братьев нет выхода, они должны довести дело до конца, чего бы это ни стоило, и они вдвоем разгадывают головоломку!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096936-4

© Устинова Т. В., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	43
-----------------------------------	----

Татьяна Витальевна Устинова

Звезды и Лисы

© Устинова Т. В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

– Который?

– Поди разбери, они все на одно лицо!

– Да которого паковать-то?! Или всех?

– Я тебе дам – всех! – мгновенно рассвирепел майор Мишаков. – Накатают на нас телегу, будем до пенсии рапортá писать!..

Он огляделся по сторонам.

Комната была огромной, окна в пол, стены не штукатуренные, красного кирпича, с серыми прослойками цемента – мать твою за ногу! – полы деревянные, доски все неровные, такие полы были у мишаковской бабки в бараке на Таганке. Мебель тоже причудливая – словно пьяный деревенский столяр строгал, – одним словом, обстановка богатая, современная. Кругом портреты, и на всех – знаменитый рэпер ПараDon'tOzz. То по пояс голый, руки и торс в наколках, то в экстазе на сцене, то за рулем кабриолета, то верхом на арабском скакуне или мотоцикле. Портреты отличались невиданным разнообразием – писаны красками, выложены лампочками, набиты на досках гвоздями, сконструированы из тонких проводков. Мишаков засмотрелся на один, как раз из лампочек, хмыкнул, покрутил головой и огляделся как следует.

По всей комнате – на диванах, на полу, на столах и креслах – лежали вперемежку бабы и мужики. Они спали. Некоторые стонали и храпели во сне.

– Кто тут есть Александр Галицкий?! – гаркнул Мишаков. – Отзовись!..

Какое-то тело на ближайшем диване шевельнулось, голова, вроде женская, поднялась и упала.

– Принесите минералочки, – простонало тело. – Там есть минералочка... На кухоньке...

– Который Галицкий?!

Сандро разлепил глаза. Потолок моментально стал валиться на него, и глаза пришлось закрыть.

– Я сплю, – силно выговорил Сандро. В горле першило, из желудка подступало нечто вовсе нехорошее. – Отстаньте.

Он попытался повернуться, у него не получилось, и надвинулся отвратительный запах то ли табака, то ли чужой одежды, и кто-то крепко взял его за плечо. Сандро замотал головой, чтобы не чувствовать запаха. Желудок полез куда-то вверх и вбок.

– Вы Галицкий? – И нечто железное впилося Сандро в плечо.

То ли от этого железа, то ли от запаха, который стал невыносимым, страдальца стало корчить. Он закашлялся, с трудом сел, и тут его вырвало.

Рядом заорали и заматерились.

Сандро, которому немного полегчало, взялся обеими руками за голову, стараясь, чтобы она не качалась, – качка была ужасная.

– Ты смотри, – удивленно сказал рядом густой, как гудение навозной мухи, голос, – это ж он и есть!

– Кто?

– Рэпер. Как его... ну, знаменитый!.. Он еще в прошлом году все баттлы взял! Пародонтоз, точно!.. Вот этот!..

– Где? – недоверчиво спросил майор Мишаков, подбородком показал на страдальца и поморщился брезгливо. – Слышь, чувак, ты рэпер или ты Галицкий?

– Вы кто? – выдавил из себя Сандро и поднял на них воспаленные глаза. – Вам кого?

– Ты Галицкий?

Сандро кивнул.

– Александр Михайлович?

Тот снова кивнул. Его сильно качнуло, и майор проворно отскочил – во избежание.

– Паспорт есть?

Сандро полез во внутренний карман «бомбера», он спал в куртке, нашарил паспорт и протянул.

– Что вам нужно?..

– Тебя нам нужно, тебя, милый, – сказал майор Мишаков. – Давай, давай, поднимайся потихонечку, и поедем. Лейтенант, ты с той стороны, а я с этой. Ну, раз, два, взяли!..

Сандро ничего не понял. Кто... поедем?.. Куда... поедем?.. Он сообразил, что его куда-то волокут, только в лифте, да и то потому, что неожиданно увидел прямо перед собой отечную, щетинистую желтую физиомордию – свою собственную.

– Ужас какой, – выговорил Сандро, разглядывая себя в зеркало. – Это кто там?..

– Ты вчера как зажигал-то? – спросил рядом майор Мишаков. – Пил, нюхал, кололся? Или все разом?

– Я не кололся, – вяло возразил Сандро.

– Хороший мальчик, – похвалил майор.

...Потом Сандро ничего не помнил – его качало и бросало из стороны в сторону, и он решил, что плывет на подводной лодке и вот-вот начнется бой с противником. Кажется, его еще раз вырвало, потому что вокруг опять заорали и заматерились, и кто-то ударил его кулаком под ребра – больно.

Он осознал себя в тесной комнате на три стола. За столами сидели какие-то люди, и пахло отвратительно. Сандро всегда был исключительно чувствителен к запахам!..

– Галицкий Александр Михайлович, – говорил один из сидящих за столом. – Тысяча девятьсот восемьдесят третьего года рождения, родились в Москве, проживаете тоже в Москве по адресу...

– Дайте попить, – попросил Сандро. Ему было плохо и очень жалко себя. – Там на кухне в холодильнике минералка. Принесите, а?..

Сидящие за столами дружно заржали, как будто по телику показывали финал КВНа, а он был капитаном команды!..

– Ну чего, Александр Михайлович? Будем признаваться? Вот признаемся, и в камеру, а там кран, а в кране водичка!

– Водичка, – с надеждой повторил Сандро.

– Не он это, – сказали в дверях.

– Он, я тебе говорю!

– Тот... такой холеный, а этот облезлый!

– Он с бодуна просто! Облезешь, если столько выпьешь!

Сандро с трудом оглянулся, потарасился в сторону двери, ничего не разглядел и опять повесил голову.

– Да ну, товарищ майор, гиблое дело! Он до завтра не того... не оклемается.

– Мне ждать некогда. Бланки давай, Павлуш.

Сандро морщился и вздыхал, не понимая, почему эти люди никак не сообразят подать ему холодной минералки, аспирина, льда в салфетке – приложить к виску, – почему не проводят в спальню, где он сможет хоть глаза закрыть. И уж совсем непонятно, куда они дели Маргариту Степановну, которая уже давно догадалась бы все это проделать!..

– Ну, будем признаваться-то? Да не спи ты, чувак, в камере выпишься! Ты дедулю прикончил? Говори, ну?!

И опять удар под ребра. Сандро задышал открытым ртом.

– Товарищ майор, вы поаккуратней, вдруг он это... он? Рэпер знаменитый?

– Плевать я хотел, рэпер он или кто! Я знать хочу, кто старика завалил!

– Где мой брат?! – раздался за спинами возмущенный голос.

Все разом обернулись, а Сандро поморщился от крика.

...Почему никто не понимает, что ему... нехорошо? Почему никто с этим не считается?!

– А вот и второй, – констатировал майор Мишаков. – Галицкий Николай Михайлович собственной персоной, я так понимаю.

В кабинет протиснулся темноволосый взъерошенный человек. Он именно протиснулся, потому что был высок и широк в плечах, а дверь полностью не открывалась – мешал несгораемый шкаф.

– Я Галицкий, – сказал высокий неприязненно. – И я не понял ничего! Я на работе, у меня эксперимент, и вдруг я должен куда-то срочно ехать, давать объяснения! Что происходит?! И при чем тут мой брат?!

Тут он увидел Сандро, сгорбившегося на стуле, сбился и замолчал.

– Вы присаживайтесь, Николай Михайлович, – пригласил майор Мишаков. – Разговор у нас будет долгий. С вами обоими разговор.

– Вы что, били его?!

– Как можно? – перепугался майор. – Мы его по голове только и гладили, только и гладили! А вид у вашего брата неважный, потому что он вчера, видать, сильно... упоролся. Отдыхал, видать, и переутомился.

– Ник, – прошелестел Сандро. – Принеси мне минералки! Там на кухне! И где Маргарита Степановна?..

– Павлуш, – распорядился Мишаков, – налей ты этому воды!.. – Лейтенант не двинулся с места, как будто не слышал. – А вы паспорт предъявите и вот на стульчик присаживайтесь. В ногах правды нет.

Второй Галицкий хотел возразить, но не стал, выволок из угла стул и неловко приткнулся рядом с братом.

Майор Мишаков неторопливо полез в сейф, извлек из него толстую картонную папку и стал развязывать белые завязочки. Делал он это долго и сосредоточенно.

... Пусть понервничает, пусть. Ему сейчас только одно и остается – нервничать!.. Брат не в себе, выходит, этому Николаю Михайловичу одному придется весь воз тащить!.. Так что пусть попереживает, самое время переживать.

Николай Михайлович в самом деле нервничал, дергал шеей, облизывал губы, оглядывался по сторонам, время от времени взглядывал на брата, который трясся и качался из стороны в сторону на своем стуле.

Мишаков развязал наконец папку и стал выкладывать на стол бумаги – по очереди. Выложит, полюбуется, достанет следующую.

– Что ж вы так неосторожно? – перестав выкладывать, неожиданно спросил он Галицкого-брата. – Нужно было подождать, покуда дедуля сам... того... отойдет. А вы? Поторопились, поторопились!..

По расчетам Мишакова, второй Галицкий после таких его речей должен был непременно взвиться на дыбы. Но тот лишь мельком посмотрел на майора, поднялся, в два шага оказался в углу, где на столике теснились стаканы и початые бутылки с минеральной водой. Он выбрал стакан почище, набулькал в него воды и сунул брату. Тот обеими руками принял его и стал жадно пить, проливая воду на «бомбер».

Все смотрели, как Сандро пьет.

– Вам что нужно? – спросил Галицкий-второй. – Говорите быстрее, мне надо на работу! У меня эксперимент, а я тут с вами!

– Вам вот этот человек хорошо знаком? – И майор Мишаков по одной, как игральные карты, выложил перед Галицким фотографии с места преступления.

Фотографии были... рабочие. Мертвое тело, сфотографированное криминалистом, как положено, а не как показывают в кино. На неподготовленного человека такие снимки производят сильное впечатление. Вот это самое впечатление Мишаков и должен был зафиксировать и затем действовать в соответствии!..

Галицкий мельком глянул на фотографии, забрал у брата пустой стакан, отошел в угол и набулькала еще воды.

Уселся, помолчал и сказал как-то на редкость убедительно:

– По этим фотографиям узнать человека невозможно. По крайней мере, я не берусь.

– Да, труп несвежий, – согласился Мишаков. – Да и убит был... зверски. Ну, хорошо, вот сюда посмотрите. Это прижизненная!

Галицкий посмотрел, на этот раз пристально.

– Нет, я его не знаю, – сказал он.

Мишаков с досадой махнул на него рукой.

– Ну вот, начинается! Хоть бы один душегуб, на вашем месте сидя, сказал что-нибудь другое! А вы все одно и то же – не знаю, не знаю! Скучно с вами.

– Мне с вами тоже скучно, – неожиданно сказал Галицкий. – Мне на работу давно пора!..

– Вы про работу лучше пока забудьте, Николай Михайлович, – посоветовал Мишаков. – Она теперь без вас как-нибудь обойдется.

– Ник, ты зачем приехал? – вдруг спросил Сандро. – Я тебя не звал! И где, мать ее, Маргарита?!

– А он рэпер, да? Знаменитый! – не выдержал лейтенант Павлуша. – Мы поспорили, он или нет? Так с виду вроде он!

– Он, он, – быстро и тихо ответил Галицкий-второй.

– Точно, да? – восхитился лейтенант. – Говорю же – он! Рэпер Пародонтоз!..

Сандро встрепенулся, сделал движение рукой и пробормотал:

– Е-е, бро!..

После чего Павлуша проворно, как белка, выбрался из-за стола и бросился вон из кабинета.

– Так значит, каяться не будем, – подытожил очень недовольный майор Мишаков, – значит, не хотим мы каяться!..

– Мы, может, и хотим, – опять неожиданно сказал Галицкий-брат, – только мы не знаем, в чем!..

– В убийстве с отягощающими гражданина Милютина Александра Аггеевича, вот этого самого, сорокового года рождения, проживавшего по адресу Подколокольный переулок, двенадцать!..

– Нас в переулке имели суки, – неожиданно захрипел рэпер ПараDon'tOzz, – под ногтями грязь и в цыпках руки, и нам хватило всей их науки, чтоб по ночам приходили глюки о землях иных, где иные шлюхи...

Брат крепко взял рэпера за плечо, повернул к себе, слегка встряхнул и сказал твердо:

– Замолчи.

Сандро поморщился и сделал вялую попытку стряхнуть с плеча братнину руку.

Галицкий-второй перехватил его покрепче и спросил майора Мишакова:

– Чем мы можем вам помочь?

Майор рассвирепел:

– Признание подпишете, и дело с концом! Когда и каким макаром вы с братом – или без брата, или, может, брат без вас! – лишили жизни гражданина Милютина. Самая лучшая помощь будет!..

– Ту-ру-ру, – словно протрубил Галицкий-второй. Подумал немного и продолжил: – Смотрите. Вариантов у нас два на самом деле. Первый: мы сейчас во всем разбираемся, приходим к выводу, что произошла ошибка, и я увожу его домой. – Он кивнул на Сандро. – Вариант второй: вы продолжаете нести всю эту ахинею, я звоню его адвокату, – он опять кивнул на брата, – и дальше как пойдет.

Мишаков исподлобья смотрел на Галицкого-второго.

...Что такое?.. Этот второй – никому не нужный научный сотрудник в никому не нужном научном институте, – должен был оказаться рохлей и мямлей, его следовало ошарашить, взять на испуг, и готово, дело закрыто!.. А он, ты погляди, разговаривает, адвокатов поминает!.. Или он такой храбрый из-за брата, знаменитого рэпера?! Уверен, что тот бабла отвалит, и они оба тихо-мирно пойдут по домам – сладко жить, вкусно есть, много пить, от души нюхать и колотиться?..

Тут Галицкий-второй майору немного помог.

– Вы объясните, – сказал он. – Что за человек на фотографиях? И при чем тут мы с братом?

– А вы не знаете? – уточнил майор. – И даже не догадываетесь?

– Я догадался, что все напрасно, – забубнил на своем стуле рэпер, – ключи в помойку, и жизнь прекрасна, мы станем вместе ходить по крышам, не ждать, что кто-то нас услышит!..

– Сандро, – предостерегающе сказал брат, и рэпер послушно умолк.

Вернулся лейтенант Павлуша – очень радостный – и почему-то оставил дверь в коридор нараспашку.

– Покойный Милютин Александр Аггеевич все свое имущество завещал вам, – сообщил майор Мишаков с явным злорадством. – Этого вы тоже не знали, конечно, и даже не догадывались!.. Месяц назад он завещание составил, а на той неделе... того. Зверски убили дедулю. Это вам как?

– Никак, – сказал брат рэпера твердо. – Я не знаю никакого Милютина. Сандро, ты знаешь Милютина?

Рэпер снова было понес околесицу, но брат опять спросил – на этот раз строго, и тот сказал, что никаких Милютиных он не знает и знать не хочет, зато желает знать, куда делась домработница Маргарита Степановна, мать ее.

– Ник, найди ее, скажи, чтобы аспирину принесла! – прохныкал он.

...Показал бы я тебе аспирин, придурок, с раздражением подумал майор Мишаков, ты бы несколько дней голову свою искал, чтобы в нее аспирин засунуть!..

– Почему вы решили, что завещание в нашу пользу? – спросил брат рэпера. – Мало ли Галицких на свете!..

– Может, и немало, но в завещании указаны именно вы, и паспорта ваши с прописочкой, с номерами, со всеми делами-пирогам. А больше у покойного гражданина Милютина никаких связей нету!.. Ни родственников, ни друзей, ни знакомых.

– Так не бывает.

– По-всякому бывает. Павлуша, – вдруг заревел майор, – дверь закрой!

Из коридора то и дело в кабинет заглядывали любопытствующие – словно по ошибке! Даже дознавательницы Таня и Соня сунулись по очереди, вид у обеих был взволнованный.

Лейтенант вскочил и прикрыл дверь, но не до конца.

– Кому сказал!..

Дверь захлопнулась перед чьим-то носом.

– Ну что ж, пойдём проверенным путем, хоть и долго это, – заключил майор, – но деваться нам некуда. Спрашивать буду под протокол. Где вы, Николай Михайлович, были двенадцатого апреля?

– Апрель, – неожиданно сказал рэпер ПараDon'tOzz человеческим голосом, – самый гнусный месяц!.. В лесу цветет подснежник, а не метель метет, и тот из вас мятежник, кто скажет – не цветет.

– Сандро, – твердо перебил его брат. – Тихо. Какой это был день недели?..

Майор фыркнул и покрутил головой, как бы не веря, что Галицкий не помнит, отлистнул календарь, хотя сам отлично знал, какой это был день.

– Четверг.

– В четверг двенадцатого апреля я был на работе.

– До ночи?

– Почему, нет, конечно. Я уехал часов в восемь.

– Куда поехали-то? В Подколокольный переулок? К Милютину в гости?

– В гости, да, – согласился Галицкий почти весело. – К маме. Двенадцатого апреля мы всегда бываем у мамы.

То, что он говорил «мама», а не «мать», Мишакова позабавило. Ишь, нежности какие!.. Ему сорокет скоро, а туда же – мама у него!..

– Кто это может подтвердить, кроме вашей... мамы?

– Тетя Рая, – не моргнув глазом, выдал Галицкий, – Кожедубова Раиса Петровна, дядя Валера, ее муж. Кожедубов Валерий Яковлевич. Тата, то есть Татьяна, их дочка. Они все были у нас в гостях.

Майору Мишакову надоело записывать.

Из быстрого и приятного «раскрытия» ничего не выйдет, вот что, а выйдет балаган, беготня, болтовня, и придет все к тому же – старикашку как пить дать завалил кто-то из братьев или оба сразу, но чтобы доказать это, придется ему, Мишакову, из кожи вон вылезти, всех этих мамаш, тетей, дядьев и Тат разыскать, опросить, поймать на вранье, провести тьму очных ставок, разослать тыщу запросов!..

– Ночевали тоже у мамы, правильно я понимаю?

– Да мы выпили, – продолжал Галицкий так же весело, он тоже понял, что майор терпит крах, – конечно, у родителей остались.

– И этот? То есть ваш брат?

– И брат тоже, да.

Тут показалось майору, что он немного сбился, Николай Галицкий, словно какое-то препятствие перепрыгнул, но неудачно, зацепился. Придется разбираться, а так хорошо все началось.

– Милютин Александр Аггеевич ваш родственник? Знакомый?

– Я не знаю такого человека, – повторил Галицкий с нажимом. – Ну, честное слово, майор.

– А вы?

Сандро неожиданно встал со стула, покачиваясь, направился к столику в углу, взял бутылку и стал жадно пить из горлышка.

– Не, тут без вариантов, милиция! Никакого Милютина я не знаю, – выговорил он, оторвавшись от бутылки. Он тяжело дышал и утирался ладонью. – И не знал никогда. И родственников у нас таких нет. И не было никогда. И все, хорош дурака валять, милиция, мне на хату давно пора, ща райтер явится, мне с ним за дабл-тайм перетереть надо.

– Повежливей!

– Да я вежливо, – знаменитый рэпер вылил в горло остатки воды и взялся за следующую бутылку. – Культурно я. Ник, валим отсюда!..

– Никто никуда не пойдет, пока на мои вопросы не ответит! – заорал майор. Дверь приоткрылась, за ней обозначились физиономия дежурного и еще чьи-то. – Где вы были вечером и ночью двенадцатого апреля?!

– На даче у мамы, сказано же, – отдуваясь, проговорил ПараDon'tOzz. – Вы че, не слышали? И спали мы там же, потому как поддали!

– Во сколько уехали и куда?

– Я часа в два встал, а может, в три, солнце шпарило вовсю, – рэпер пошуровал бутылками, но вода кончилась во всех. – Развели, мать твою, бардак, воды не допросишься! Пообедал и в Москву, за мной машина пришла. Вечером сведение было, звуковик подгреб, пацаны тоже.

– Я, – вступил Галицкий-второй, – утром уехал на работу. На электричке. У меня эксперимент, я же вам говорил.

– Где мамуля проживает?

– В поселке Луцино под Звенигородом.

– Точный адрес!..

Пока Галицкий-второй записывал на бумажке адрес, его брат пил из чайника, лил из носика в горло.

– И кто такой Милютин, вам обоим не известно?

– Ты че, тупой? – взревел рэпер, отрываясь от чайника, и закашлялся. – Не, ну сколько можно! Ты в орех себе вложи, что никакого Милютина мы знать не знаем, попутал ты чего-то, бро!..

...Эх, с каким наслаждением майор дал бы ему по шее!.. А еще лучше – по роже. Так бы вот и дал, чтобы тот в стену головой въехал, чтобы из носа юшка пошла, а глаза чтоб из орбит вывалились! И кликухи-то у них собачьи – один Ник, другой почему-то Сандро, хотя имена при рождении дадены были человеческие, Николай и Александр!..

...Придется отпускать. Придется отпускать и впрягаться по полной, свидетелей искать, опрашивать, показания сличать, на колу мочало, наша песня хороша, начинай сначала!.. Прямо рэп получается!..

– И никаких соображений нету, почему Милютин завещал имущество посторонним людям, то есть вам? – преодолевая застрявшую в горле ненависть, выговорил майор. – Может, есть все же, а?..

ПараDon'tOzz развел руками и притопнул издевательски, а его брат спросил, что за имущество.

– Наследство хорошее, и не маленькое. – Мишаков зашелестел бумагами, чтобы не смотреть на них, окаянных. – Значит, что тут имеется... – Он еще пошелестел. – Хотя!.. Имущество ваше, сами и выясняйте!..

Тут майор быстро и остро глянул на братьев – ПараDon'tOzz ковырял в ухе и морщился, второй безразлично смотрел в сторону.

– К нам это имущество не имеет отношения, – твердо сказал Николай Галицкий.

– Кто знает, кто знает, как оно там обернется. Хотел я с вами по-человечески, но вы все, душегубы, одним миром мазаны! Пока за шиворот вас не приволочешь, как котов шkodливых, ни за что не сознаетесь...

– Душегубы, – повторил за ним ПараDon'tOzz, словно пробуя слово на вкус, – душегубы, ваши губы недостаточно грубы, чтобы женские трубы...

– Заткнись, Сандро, – велел брат.

– ... трубы распевали у гроба, как далека дорога...

– Сандро!..

– И что за клички-то у вас, – не выдержал майор, – вы ж не блатные вроде!

– Мы не блатные, мы грузины, – неожиданно выдал рэпер. – Там, в колхидских низинах, море пахнет резиной...

– Наш дедушка родом из Грузии, – пояснил Галицкий второй, – это правда. В семье нас с детства называют на грузинский манер – Сандро и Нико.

– Свободны, грузины, – устало сказал майор обоим. – И мой вам совет – разберитесь, кто и за какие лютики вам такой куш отвалил, если на самом деле вы не в курсе!.. А то ведь никакой адвокат не поможет, когда я вас по-хорошему прижму.

Ник Галицкий поднялся и потянул за собой Сандро, все еще что-то бормотавшего про Колхиду.

В тесном коридоре с давно не крашенными желтыми стенами толпился народ. Сидящие на стульях вытягивали шеи, и когда показался Сандро, весь коридор как будто ахнул.

– Быстрей, – процедил Ник. – Шевелись, шевелись!

Сандро накинуд на голову капюшон толстовки, вызвав в коридоре бурный восторг, – в кино всегда так делают знаменитости!.. Накидывают капюшоны и напяливают темные очки, маскируются они так!

– Можно автограф? Вот здесь распишитесь!

– А мне в паспорте! Не, ну правда!

– А селфи с вами можно? Ну, пожалуйста!

– Что здесь происходит?! – заревел в дверях майор Мишаков. – Всем разойтись по местам!

– Товарищ майор, – в один голос застонали дознавательницы Таня и Соня, к ним еще присоединилась буфетчица Зоя и новенькая из отдела по работе с несовершеннолетними. – Ну, мы сфотографируемся только, и все! Что вам, жалко?

– А кто это такой-то? – спрашивала соседка старушка из очереди. – Не признаю никак! Вроде на этого похож, лысого, давеча в концерте выступал!

– Юморист, что ли? Под женщину наряжается? – взволновался сосед. Старушка махнула на него рукой и с трудом поднялась, прижимая к груди сумку, должно быть, тоже хотела селфи.

– По местам! – продолжал бушевать майор. На его крики сбежался весь отдел, и со второго этажа полезли тоже.

Ник подталкивал брата в спину, но пройти им было трудно – со всех сторон обступали люди.

– А на улице чего делается! – счастливо выдохнул лейтенант Павлуша. Глаза у него горели. – Камеры, журналисты, прям как в телевизоре!

– Какие, на хрен, журналисты! – враз обессилел майор. – Откуда они взялись, мать их?!

– Без понятия, – и Павлуша попятился от майора. – Как-то сами набежали.

– Сами!.. Я вам покажу – сами! Всем разойтись!

Сандро налево и направо подписывал бумажки, которые ему протягивали, брат подталкивал его в спину. Самые ловкие снимали происходящее на мобильные камеры. Майор ревел, как медведь, в дежурке на разные лады звонили-заходились телефоны, гопники в «обезьяннике» висели на прутьях и вопили: «Эй, бро!.. Мы с тобой, бро! За свободу!»

Толпа выкатилась за Сандро на крыльцо, а с той стороны уже мчались люди с камерами и микрофонами наперевес.

– За что вас задержали?! Что предъявляют?! Где ваш адвокат? Короткий комментарий для НТВ, пожалуйста, очень короткий!.. Вас выпустили под подписку? Это ваш представитель?

Сандро закрывался рукой от камер, занавешивал лицо капюшоном, отворачивался, но наседали со всех сторон, куда бы он ни повернулся. Ник волок его за шиворот, и должно быть, все это выглядело комично.

– Вы представитель ПараDon'tOzza? – в лицо Нику кричала какая-то обезумевшая от возбуждения девица. – Что он натворил? Почему его забрали в отделение?! Что вы молчите?! Пресса имеет право знать!

– Наркотики? Драка? – наседали с другой стороны парень в кожаной куртке. – Бытовуха?..

Ник, сжав зубы, волок брата к машине, толпа катилась за ними, на проезжей части сигналили и притормаживали.

Ник затолкал Сандро в салон, обежал капот, плюхнулся на водительское сиденье и сразу же взял с места, на ходу захлопнув дверь. Кто-то сильно стукнул в заднее стекло.

Некоторое время Ник просто ехал вперед, поглядывая в зеркало, нет ли погони.

Погони не было.

– Вот она, мировая слава, – наконец заключил он. – Снимай капюшон и очки, придурок!

– Чего это я придурок!..

Сандро задрал на бритый череп темные очки, тоже оглянулся, поежился и нашарил в двери бутылку воды.

– Куда мы едем? – попив немного, спросил он.

Ник помолчал.

– Я на работу, – выговорил он наконец. – А куда ты, понятия не имею!

– Ник, хорош дурить!..

– Если б кто знал, как ты мне надоел, – сквозь зубы процедил брат. – Всю жизнь я за няньку, всю жизнь!.. Ты живешь как хочешь, а разгребаю за тобой я!

– А кто тебя просит?!

– Да никто не просит! – как по команде, взбеленился Ник. – Звонят и говорят – ваш брат задержан по подозрению в убийстве, приезжайте! Будь моя воля, я бы пальцем не шевельнул!

– И не шевелил бы!

– Мне в твоём навозе сидеть неохота, Сандро! У меня свои дела!

– Дела-а-а! – передразнил Сандро. – Какие у тебя дела?! С бабами чаи гонять и на компьютере стрелять?! Дела у него! Останови тачку, я выйду!..

– Щас! – набравши в грудь воздуха, проорал брат. – Выйдешь! Только сначала объяснишь мне, что это было! Ментура, фотографии трупa, наследство какое-то, и ты в отключке! Ты до утра пил, что ли?!

– А если и до утра, тебе-то что?!

– То, что я не хочу в ментуре объяснения писать по поводу трупов! Ты человека уколошил по пьяной лавочке, Сандро?! И не помнишь?

Знаменитый рэпер тяжело задышал, весь покрылся потом, бритый череп заблестел, набрякли щетинистые щеки, из желтых превратились в бурые.

– Я. Никого. Не. Убивал, – выговорил он отчетливо, с силой выдохнул и обеими руками потер лицо. – Слышь, Ник, а правда, чего они ко мне привязались, а?

– Заметь, они не только к тебе, но и ко мне привязались, – сказал брат.

– Не, я не понял ничего, – признался Сандро. – Я правда вчера малость... перебрал. Лиса приехала, с ней Сиплый, с ними еще какие-то навалили, не помню, а потом вдруг я в кутузке, во рту сухо, в башке набат, и главное, вонь!..

Его опять затошнило, он нажал кнопку, стекло поехало, и он наполовину высунулся в окно. Ник сбоку посмотрел на него.

...Всю жизнь одно и то же. С тех самых пор, как мать принесла из больницы – про больницу туманно объяснял отец, – сверток в голубом одеяле и сказала: «Нико, мальчик, это твой братик. Ты его очень любишь!» Двухлетний Нико сразу заинтересовался «братиком», но оказалось, что ничего интересного – непонятное существо, которое все время орало и писалось. Взрослому и самостоятельному Нико казалось, что просто так лежать и писать – неприлично, и было странно, что взрослые не обращают на это внимание, да еще и умиляются.

И понеслось!..

...Нико, ты старше, будь умнее, ты должен уступить. Нико, посмотри, чтобы Сандрик не упал со стула. Нико, поиграй с братом, дай маме поговорить с тетей Раей. Подумаешь, машина! Он не специально сломал твою машину, просто он еще маленький!

...А потом школа! Николай, передай родителям, что Саша опять не был на химии! Николай, подойди к классному руководителю, она отдаст тебе Сашин дневник, пусть отец непременно подпишет каждую страницу! Николай, позанимайся с братом английским, он не сдаст экзамен!..

Всю жизнь Сандро был «маленьким», его следовало опекать, хвалить, смотреть, чтобы не потерял «сменку» и чтобы его не пбили большие мальчишки – он был задиристым и всегда лез на рожон.

В университете стало еще хуже, потому что Сандро внезапно увлекся театром и, вместо того чтобы учить модусы категорического силлогизма – он поступил на философский факультет, – с утра до ночи репетировал в авангардных постановках.

Отчего-то мать была совершенно безмятежной, словно знала о младшем сыне нечто такое, чего кроме нее не знал и не понимал никто. Отец с Ником, наоборот, страшно нервничали, что «парень пропадет» – Ник чувствовал ответственность наравне с отцом, – и разговоры о том, что Сандро «ждет смерть на помойке» постоянно перерастали в грандиозные скандалы.

Сегодня дело дошло до полиции и подозрений в убийстве!..

– Кто такой этот человек с наследством? И окно закрой, грязь летит!

– У тебя в машине и так грязь!

– Закрой окно, я сказал!

Сандро прикрыл стекло – не до конца, разумеется, из принципиальных соображений, – и пробормотал, что ни об этом человеке, ни о наследстве никакого понятия не имеет.

– Может, ты забыл по пьяни?

– Ник, не пошел бы ты!..

– Это все нужно выяснять, – с тоской произнес Ник. – Делать мне больше нечего, еще и этим заниматься!

– А чего тебе делать-то? Можно подумать, ты чем-то занят!

– Как нам узнать, кто такой Агеев... нет, Милютин Александр Аггеевич?

– А кто такой Милютин Александр Аггеевич?

– Труп.

– Е-е!.. Точно! А зачем нам узнавать?

– Завещание, – процедил Ник. – Майор утверждал, что он оставил нам наследство.

– Брехня, – заявил Сандро. – Останови, я воды куплю! Трубы горят!

– Всухую доедешь! – заорал брат. – Ты что, последние мозги пропил?! Они не отвяжутся теперь, у них есть труп, завещание и два подозреваемых, то есть мы с тобой!

– Е-е, – удивился Сандро. – Ну, ты загнул! Какие мы, на хрен, подозреваемые? Мы честные граждане! Честным гражданам никто за просто так наследство не отписывает!

– Как узнать, откуда взялось это наследство?

– Охота тебе валандаться! Ну, я могу Павлику позвонить, Павлик все узнает. Или скажет, как узнать.

Павел Глебов был знаменитый адвокат, и знаменитый рэпер PapaDon'tOzz водил с ним дружбу – так положено, все знаменитости всегда знакомы между собой и водят дружбу.

– Только я не при делах, – предупредил Сандро, – мне некогда! У меня сведение, райтер должен привалить и с даблом затерло. Давай ты сам, если оно тебе надо. Вот тут поворачивай, поворачивай! Че ты как тунгус-то?! «Трешка» впереди вся стоит!..

Ник вывернул руль, тормознул, сзади засигналили, и Сандро ткнулся носом в торпеду – к удовольствию брата.

Сандро жил в наимоднейшем месте – в небоскребе «Москва-Сити», Ник так и не смог запомнить, на каком именно этаже – то ли на тридцать шестом, то ли на сорок восьмом. Это называлось – «жить на высоте». У Ника, когда он два раза в год бывал в квартире брата, непременно случались приступы паники – его тянуло выброситься из окна, холодели руки,

вдоль позвоночника прошибал пот, он старался держаться подальше от панорамных стекол, за которыми словно висел в воздухе гигантский мегаполис. С такой высоты ничего... человеческого, живого было не разглядеть и не ощутить, сплошь каменные громады, такие же каменные небеса, застывшие дымы, свинцовая в любую погоду река.

Дверь в квартиру на сорок восьмом или на тридцать шестом этаже была приоткрыта, и за ней шла жизнь – ходили люди, звучала музыка, кто-то то ли причитал, то ли монотонно ругался, тянуло сигаретным дымом и какой-то сладкой гадостью.

– Кальян, – объяснил Сандро, когда Ник повел носом. – Ты че, не вкуриваешь, братух? Самая модная тема!

– Позвони Глебову, и я поеду.

– Да ладно, че ты, куда тебе спешить-то? Давай посидим, я пивка дерну, башка трещит, сил моих нет.

– Сандри-ик! – закричали из глубин кирпично-бетонного пространства, и на Сандро накинuloсь невиданное существо.

Существо было белого цвета, с голыми коленками и локтями, которые торчали в разные стороны, как у кузнечика. На голове у существа была рыжая шляпка, а там, где у людей бывает лицо, все разрисовано черным и белым.

Ник быстро стал за стойку – на всякий случай.

– Са-а-ндрик! Где ты был? Все уехали, а я тут одна! Сиплый и я! И еще два чувака, незнакомые какие-то! А ты меня бро-о-сил!

– Я в легавке был, – сказал Сандро с гордостью, – мне дело шьют, прикинь!

– Тебе?! – обмерло от восторга существо. – Ты че, на Триумфальную арку на «поршике» въехал? Или в Мавзолей?

– Где Маргарита? С утра, мать ее, не дозовешься!

– Ты же в легавке был, – удивилось существо. – А Маргарита твоя здесь. Сандрик, а это кто? У тебя шофер новый?

Тут Сандро неизвестно почему обиделся и сказал, что это не шофер новый, а его брат Ник – старый. Засмеялся собственной шутке и пошел куда-то, через голову стягивая толстовку.

– Маргарита Степановна!!! – издали послышался его голос. – Мне воды с лимоном, пиваса ледяного и ванну! Пивас в ванну подайте!

– Сандро! – позвал Ник, стараясь не смотреть на существо. – Сандро, позвони Глебову!..

– Лиса, – представилось существо и протянуло Нику изломанную не в ту сторону конечность – так ему опять показалось. – А ты правда брат, а не шофер?

Ник попытался ее обойти, но куда там!

– Сиплый! – закричала Лиса. – Разве у нашего Сандрика есть брат?

– А разве нет? – закричали в ответ.

– Я не зна-а-ю, – протянула Лиса. – Он не похож на Сандрика, а похож на шофера!..

– Лиска, че ты гонишь?!

Из глубин квартиры выполз, почесываясь и щурясь, бородатый не первой свежести молодчик в черной майке-алкоголичке и брезентовых штанах. Борода у него была на одну сторону, видно, молодчик не успел ее пригладить, а руки, шея и грудь сплошь покрыты татуировками.

– Я Сиплый, – представился он. – Сандриков хоуми¹. Можешь звать меня Юра. Ты че, правда братан нашего?

– Правда, – сказал Ник. – Дайте я пройду.

¹ Хоуми – друг, приятель (сленг.).

– Проходи, кто тебе не дает, бро! Тут все свои! – Юра-Сиплый притопнул на манер Сандро и проговорил нараспев: – Мы своих не томим у порога, для своих открываем дорогу, братья, бу-де-те все обогреты, нам не страшны Вселенной вендетты!..

Николай Галицкий развеселился. Слово «вендетта», извергнутое всклокоченной бородой, его позабавило.

– Если ты брат, то ты кто? – вновь привязалось существо. – Ну, то есть кто? Райтер? Звуковик? Промоутер?

– Прошу прощения, – пробормотал Ник, обходя ее.

Сандро не было видно. Точнее, он был везде – на плакатах, картинах, на кирпичках и досках, даже на полу был Сандро, выложенный чем-то наподобие мозаики. В прошлый раз, когда Ник заезжал, мозаики на полу не было.

– Николай Михайлович!

Ник обернулся. Домработница брата – уверенная и доброжелательная тетка в простых джинсах и футболке – весело улыбалась из-за стойки. Ник так обрадовался, словно ожидал в тайге, что на него выскочит медведь, а из-за елки показался самый обычный человек.

– Я утром пришла, Александра Михайловича нет, и никто не знает, где он!.. Хорошо, что вы вместе вернулись! Кофе? Или пообедаете?

Ник решительно не хотел обедать. Он хотел на работу, проверить, как там его эксперимент.

– А ты кто? – тоненьким голосом вопрошало сзади существо. – Нет, ты скажи, кто ты!

– Куда Сандро пошел, Маргарита Степановна?

– В спальню. Ну, я сварю кофейку, да?

– Спасибо.

– Ну, кто же ты? Ты же кто-то, если брат Сандрика! Ты кто?

Ник ни с того ни с сего вышел из себя, повернулся и оказался нос к носу с существом, палившим на него глаза и сосавшим чупа-чупс.

– Я аэродинамик, – пролаял Ник существу в лицо. – Вы знаете, что это такое?

Оно покачало рыжей нахлопкой на голове.

– А что такое самолет, знаете?

Оно покивало.

– Вот как хорошо. Я занимаюсь самолетами.

– Зачем ты ими занимаешься? Пусть себе летают!

Маргарита Степановна открыла перед Ником дверь в спальню Сандро и ловко захлопнула перед самым носом существа с чупа-чупсом.

Здесь было холодно, словно окна открыты, хотя никакие окна на такой высоте никогда не открывались. Холодно, тихо и чисто, как будто никто тут и не жил. Где-то шумела вода.

– Сандро! – позвал Ник.

Брат в одних клетчатых трусах показался из-за какой-то двери, махнул рукой и пропал. Плечом он прижимал к уху телефон.

Ник вздохнул.

Его тянуло посмотреть в окно, но он знал, чем это кончится – шумом в ушах, потом вдоль позвоночника и нестерпимым желанием выпрыгнуть.

... Ты псих, сказал себе Ник, тебе лечиться нужно.

Он сделал шаг к окну, глубоко вдохнул и огляделся.

В спальне не было никаких портретов рэпера PapaDon'tOzza, ни мозаичных, ни живописных. И мебели почти не было – прибранная кровать, торшер, кресло и оттоманка, на которой страницами вниз лежала затрепанная книга, словно из школьной библиотеки. Ник подошел и посмотрел – «Бесы», произведение Ф. М. Достоевского.

...Я не стану смотреть вниз. Я вот лучше из «Бесов» почитаю!..

Интересно, чья книжка? Брата или какой-нибудь его подружки?.. Вряд ли Сандро водит знакомства с девушками, читающими Достоевского!.. Или... водит?

– Все, все, я понял, Павел, – громко проговорил за плечом у Ника Сандро. – Да ну их к лешему!.. Ладно, хорошо, если что, сразу позвоню. Давай, шли!..

Он бросил телефон на кровать и стал стягивать трусы.

– Сейчас Глебов адрес скинет и фамилию нотариуса, который в том районе завещательными делами занимается, – Сандро прыгал на одной ноге. – Подколокольный переулок, я правильно сказал? Только я все равно не поеду, Ник! Больно надо!..

– Можно подумать, мне надо, – пробормотал Ник. – Достоевского ты читаешь?

– А че такое?! Короче, адрес придет, ты его себе перешли, если оно тебе вперлось! Мне ванну надо принять, райтер на подходе! Три раза звонил!.. И скажи Маргарите, чтобы пивка принесла! Сколько можно терпеть-то?!

– Пошел ты, – пробормотал Ник себе под нос, забрал телефон и вышел из спальни.

– А зачем ты занимаешься самолетами? – как замороженное, спросило существо, караулившее под дверью. – Разве ими можно заниматься?

– Маргарита Степановна! – громко крикнул Ник. – Я уезжаю!

– А как же кофе?

– Самолет – это же... самолет. Это такой... девайс. Как ими можно заниматься? Ты что, их рисуешь?

– Я их считаю, – сказал Ник. – Ты мальчик или девочка? – спросил он.

– Девочка, – обиделось существо.

– Ты в школе училась? Или сразу в тусовку прибыла?

– Училась, – ответила девочка с некоторым сомнением.

– Хорошо училась или плохо?

– Средне, – призналась девочка.

– Тогда как я тебе объясню, что такое аэродинамика?..

Тут она задумалась, и Ник понял – надолго.

Он переслал себе с телефона брата эсэмэску от Павла Глебова, стоя выпил чашку превосходного кофе – на этом настаивала Маргарита Степановна, – и уехал.

– Вы проходите и присаживайтесь. Девочки, закройте там кто-нибудь дверь поплотнее!

Нотариус «по завещательным делам» куталась в шаль, чихала, кончик носа у нее был красный, воспаленный.

– Вот весна, – проговорила она, благожелательно глядя на Ника поверх очков. – Всякий раз болею!.. Но все равно радуюсь, что зима кончилась!

Ник неловко кивнул.

Был вечер, сиреневый, апрельский, длинный. В такие вечера, когда солнце ломилось в окна кабинета, когда нагревался паркет и от него начинало тоненько пахнуть мастикой, когда под окнами далеко и отчетливо разносились голоса, особенно приятно было работать. Нику пришлось и сегодня работу бросить, чтобы поехать к нотариусу.

– Только в конце дня, – предупредила та по телефону. – Днем у нас не протолкнешься!..

Вот и пришлось ехать в конце дня!..

– Павел Алексеевич звонил, – продолжала нотариус. Ник забыл, как ее зовут, и мучительно пытался вспомнить. – Честно сказать, мы таких вещей не практикуем. Есть стандартная процедура оглашения завещания, открытия завещательного дела и вступления в права, но там же какая-то история произошла с вашим завещателем...

– Его убили, – проинформировал Ник.

Нотариус посмотрела на него.

– Вот видите, – непонятно сказала она. – Можно ваш паспорт?

Документ она изучила моментально и профессионально, словно просканировала. Как же ее зовут?.. В ней было некое противоречие, и Ник никак не мог понять, в чем дело. Самая обыкновенная женщина средних лет, да еще простуженная, прячет нос в платок, шмыгает, очки сползают...

– Уголовное дело открыто?

Задумавшийся Ник посмотрел вопросительно.

– А-а, я не знаю точно, должно быть открыто...

– Тогда вы не сможете вступить в права, пока по делу не будет вынесено решение.

– Дело не в правах, – сказал Ник. Как же ее зовут?.. – Дело в том, что ни я, ни брат не знаем человека, который что-то такое нам завещал.

– Не что-то такое, а наследство, – строго поправила нотариус.

– Татьяна Петровна, чай поставить? – спросила просунувшаяся в дверь девушка, и Ник с облегчением выдохнул, вот как ее зовут, ну конечно!..

– Нет, нет, Женечка, не нужно.

– Мы никогда о нем не слышали и не знаем, что за наследство, – продолжал Ник. – Нас уже вызывали в полицию, а мы... не понимаем.

– Странно, – сказала Татьяна Петровна задумчиво. – Завещание составлено не очень давно. И вы ничего о нем не знали?

Ник посмотрел ей в глаза. Она поправила очки.

– Нет. Не знали.

– Ну, давайте посмотрим.

Папка лежала у нее на столе, видно, специально приготовленная к разговору. Нотариус открыла ее и пролистала.

– Указаний на ваши родственные связи в завещании действительно нет, – сказала Татьяна Петровна. – Но наследники определены совершенно однозначно – Галицкие Николай и Александр Михайловичи, наследуют в равных долях.

– Что?! Что именно наследуют?

Она вдруг усмехнулась.

– Наследство хорошее, – проговорила она, – я бы даже сказала... превосходное. Две квартиры, одна в Подколокольном переулке, другая в Брюсовом. Это самый центр, вы понимаете, центральнее только Спасская башня. Далее. Два дома. Один на Николиной Горе, второй в поселке Усово по Рублевскому шоссе. Это что касается недвижимости.

Ник улыбнулся Татьяне Петровне:

– Здесь какое-то недоразумение, – сказал он, стараясь быть как можно более убедительным.

– Никаких недоразумений! – жестко возразила она, опять проявилось несоответствие – простуженной женщины и профессиональной орлицы, сбивавшее Ника с толку.

– Далее. Коллекция картин. Коллекция старинного серебра. Коллекция хрусталя и бронзы. Все должным образом оформлено, каталогизировано, атрибутировано.

Ник потянулся было к бумагам.

– В руки ничего не дам, – предупредила орлица. – Уж поверьте мне, я не ошибаюсь и не морочу вам голову.

Некоторое время они посидели молча.

– И... что мне теперь делать? – спросил Ник. Ну хоть что-то он должен был спросить!..

– Я не знаю, – живо откликнулась обыкновенная женщина Татьяна Петровна. – Видимо, прежде всего вам нужно дождаться решения по уголовному делу, а затем... вступать в права в соответствии с процедурой.

– С какой процедурой? – спросил Ник. – Мы не знаем никакого... как его...

– Завещателя? Милютин Александр Аггеевич. Может быть, он ваш родственник, а вы просто не в курсе дела?..

– Да ну.

– Я могу дать вам его официальный адрес. Сходите, потолкуйте с его домочадцами, хотя, конечно, вряд ли они будут рады вас видеть.

– Домочадцами? – опять тупо переспросил Ник. – Послушайте, Татьяна Петровна, все это...

Орлица быстро перебила его, похлопав по столу ладонью:

– Николай Михайлович, уверяю вас, здесь нет никакой ошибки, это не мои выдумки, документы в полном порядке, завещание составлено в вашу пользу и вашего брата совершенно недвусмысленно. Обсуждать тут нечего. Адрес записать?..

Засунув бумажку в задний карман джинсов, Ник вышел на улицу и зажмурился от солнца.

На бульваре было чисто и просторно – в последнее время на всех бульварах в Москве стало просторно и чисто. На лавочках сидели старики и парочки, мамы катили коляски, пес бодро бежал, раскручивая рулетку поводка. Все как всегда.

...Ничего не как всегда. Все поперек.

Ник достал мобильный телефон, посмотрел на него, подумал, сунул было обратно, но все же решился.

– Ма-ам?

– Никуш, привет! Ты как там?

– Мам, кто такой Милютин Александр Аггеевич?

Мать, кажется, очень удивилась:

– Не знаю, а что? Должна знать?

– Мам, у нас точно нет такого родственника?

Тут она засмеялась. Она всегда смеялась так, что все вокруг начинали улыбаться и жизнь становилась понятней и проще. Ник так до сих пор и не женился, потому что ему не попадались женщины, которые умели так же смеяться!..

– Никуша, все наши родственники тебе известны! Включая грузинских!.. А что такое?.. Ты нашел нам нового родственника? Он потерял память и забыл о нас, а сейчас вспомнил?

– То есть нет?

– Нет, – сказала мать и опять засмеялась. – Когда ты летишь в Бразилию?

Ник время от времени выступал на далеких конференциях, и мать этим гордилась. Он сказал, что нескоро, через месяц, поклялся, что в субботу придет обедать и постарается прихватить с собой Сандро, и нажал «отбой».

...Итак, никакого Александра Аггеевича!..

Как любой мужчина, Ник терпеть не мог проблем. Никаких. Он ненавидел и боялся поликлиник, паспортных столов, техосмотров, налоговых уведомлений, изменений реквизитов банковского счета конторы, в которой он платил за интернет, перевыпуска кредитной карточки и новой версии Word! Все эти ужасные трудности отнимали у него душевные силы – нужно заново приспособливаться, осваивать, привыкать, терять время!

Неизвестное наследство и убийство – проблема, да еще какая, куда там новой версии Word!

– Этим придется заниматься, – пробормотал Ник себе под нос.

Он понятия не имел, что значит «заниматься»! Затеять детективное расследование? Обратиться к адвокату Сандро, чтобы тот затеял? Вернуть наследство тем, кому оно на самом деле принадлежит по праву? И как это проделать?..

Он шел по бульвару, размышлял, заранее всего боялся, страдал и убивался, что жизнь его теперь уж точно загублена, и спохватился, что идет в другую сторону от машины, уже когда был довольно далеко.

Подколокольный переулок, 5, прочел он на чистенькой стене углового дома. Влево уходил уютный старомосковский переулок с узким тротуаром, выступающими клетками старинных лифтов, липами, еще не зазеленевшими, но словно тронутыми акварельной краской.

Как там сказала орлица Татьяна Петровна?.. Навестите домочадцев вашего завещателя?.. Поговорите с ними?

– Почему я должен все это делать? – сам у себя спросил Ник.

– Таким образом за видеоконференцию отвечаете вы, а мы отвечаем за организацию раздаточных материалов, – бодро откликнулся какой-то дядька, марширующий мимо. Ник не сразу понял, что дядька разговаривает по телефону – в ухе у него был наушник, вид исключительно деловой.

Сверясь по бумажке, Ник дошел до ухоженного подъезда с маской над чугунным козырьком. Наличники выкрашены светло-серой краской. В доме было всего четыре этажа, в крыше мансардные окна. На массивной двери, разумеется, висел кодовый замок. Пока Ник размышлял, как ему поступить – уйти восвояси, вызвать консьержа или набрать номер квартиры, – дверь открылась и выскочила девчушка, тащившая на привязи нечто вроде квадратной тележки. Тележка упиралась и не шла.

– Да ладно тебе, – пыхтя говорила девчушка, – что такое-то?! Сейчас до памятника дойдем и обратно!..

Тележка притормозила возле Ника, злобно на него гавкнула и неохотно посеменила дальше.

– Это что за порода? – вслед девчушке спросил Ник, которому до смерти не хотелось заходить в подъезд, и было понятно, что зайти придется, раз уж дверь сама открылась.

– Мопс! – Она на ходу засунула в капюшон кудри. – Вредный, ужас! Только папу слушается! Смотрите, что сейчас будет! Моня, идем быстрее, или папа тебя отшлепает!..

Вредный мопс-тележка подпрыгнул на всех четырех лапах, словно табуретку передвинули, и устремился вперед. Девчонка понеслась за ним.

Ник посмотрел им вслед, вошел в подъезд и стал подниматься по закругленной лестнице.

– Вы в какую квартиру? – расплескав тишину, закричала из своей клетушки бдительная дежурная.

– В восьмую.

– А вас там ждут?!

– Нет, – сказал Ник, продолжая подниматься.

На каждом этаже было по три двери, и располагались они несколько в глубине площадки. Должно быть, дом строился так, чтобы жильцам в нем было покойно и просторно.

Он позвонил в восьмую квартиру и замер. Спине стало жарко и колко, как будто он смотрел вниз с большой высоты.

Ничего не произошло. Ник снова позвонил.

Внизу бабахнули чугунные двери лифта, клетка осветилась, и стал неторопливо опускаться трос.

Лифт причалил у него за спиной, двери вновь стукнули, и скрипучий голос с подозрением осведомился:

– Вы к кому, молодой человек?

Ник повернулся. Возле левой двери гремел ключами невысокий сухонький мужчина в светлом плаще.

– Мне бы... – Ник сверился с бумажкой, – Милютины здесь живут?

Мужик глянул на него остренько и с подозрением.

– Александр Аггеевич жил, да. Только умер. А больше никаких Милютиных тут нет.
– Извините, – сказал Ник, – мне очень нужно!.. Как вас зовут?

– Виктор Павлович, – представился человек в плаще, рассматривая Ника все более подозрительно. – С кем имею?..

– Галицкий Николай, – торопливо сказал Ник. – Вы... можно я у вас спрошу?

– Ну-с?

Тут вдруг обнаружилось, что спрашивать нечего. Кто такой Милютин? Почему он завещал нам свое имущество?

– Вы давно здесь живете?

– Позвольте, какое отношение это имеет к вам?!

– Никакого, – умоляюще заговорил Ник, – просто мне нужен Александр Аггеевич или его родственники!

– Да говорю же вам, он умер, а родственников нет и не было. Не знаю, я про них никогда не слышал!

– А... наследники? – брякнул Ник. – У него же остались наследники?

Человечек в плаще окончательно рассердился.

– Да вам-то что за дело до его наследников? Или вы страховой агент? Нет здесь никого с тех пор, как Милютина убили, квартира пустая!

– А где же?..

– Никого, никого нет! – закричал, наступая на него, мужик в плаще. – Уходите! А то вот позвоню... куда надо!

Ник сбегал по лестнице – снизу из-за перил выглядывала взволнованная дежурная, привлеченная шумом, – навалился на дверь и оказался на весенней улице.

Он вышел на бульвар, вдалеке возле памятника увидел давешнюю девчонку с мопсом, помахал им рукой – они не обратили внимания, – и не торопясь пошел в сторону машины.

...Вот что странно. Сосед Виктор Павлович сказал, что в квартире номер восемь никого нет с тех самых пор, как убили Милютина. Нету никаких родственников!.. Разве в таком случае квартира не должна быть опечатана?.. Как место преступления?.. Между тем печати на двери не было.

Впрочем, Ник плохо разобрался в этом!..

Человек, из окна провожавший его глазами, в это время торопливо набирал телефонный номер.

– Отделение? – заговорил он плаксиво, как только ответили. – Товарищ Мишаков?.. Товарищ Мишаков, это Селезнев беспокоит, сосед, сосед зверски убитого Милютина, помните, вы велели звонить, если что! Так вот – что! А я тут кое-что вспомнил! Нет, нет, сам подъеду. Сегодня, сейчас же!.. Моей жизни угрожает опасность! Опасность, говорю!..

Он сунул телефон в карман плаща, подергал дверь, заперта ли, и бесшумно пошел по лестнице.

– Так скоро? – удивилась консьержка. – Ну, приходите еще, будем ждать!..

– Ну, все, ну, хорош, ну, не смешно даже! – Сандро Галицкий, на этот раз совершенно трезвый и очень сердитый, подался вперед так, что лейтенант Павлуша в волнении привскочил со своего места, собираясь в случае чего скрутить хулигана. – Ты опять все, на хрен, попутал, капитан!

– Ты мне не тычь! – рявкнул Мишаков. – А во-вторых, я майор!

– А во-первых, что?

– Во-первых, отправлю я тебя зону топтать годков так на двадцать! – И майор Мишаков ткнул Сандро в плечо. – В голову это себе возьми! Вот прямо сейчас возьми и держи там!.. Что ты мне в тот раз про алиби свое втирал?

– Про какое алиби? – не понял Сандро. – Послушайте, майор, что вы ко мне прицепились, а? Ну, найдите еще кого-нибудь и прицепитесь! Я не могу тут с вами париться, у меня Версус² на носу, в Питер мне надо!

– А мне надо процедуру опознания провести по всей форме закона! В последний раз по-хорошему спрашиваю – ты старика грохнул? С братом вдвоем? Дальше по-плохому будет только!

– Бляха от сандалика! Ты че, вообще не вкуливаешь, майор?! Не убивал я, и Нико не убивал, отпусти ты меня подобра-поздорову, пока я тебе тут скандала не наделал!..

– Ты сейчас в штаны наделаешь!..

– Товарищ майор, все готово, – сунулся в дверь человек в форме.

– Вставай! – велел Мишаков знаменитому рэперу ПараDon'tOzzy.

– Я сейчас адвокату позвоню, – пригрозил рэпер.

– Ты сейчас прямиком на нары проследуешь, а там хоть министру юстиции звони!

Сандро ругался, орал и порывался уйти – его не пускали. Наручников на него не надевали – знаменитость и все такое, – но подталкивали со всех сторон и таким макаром затолкали в небольшую комнату, где пахло еще хуже, чем в первой, в ряд стояли три стула, а перед ними толпились какие-то люди. Сандро с размаху сел на первый попавшийся стул, рядом с ним пристроились еще двое.

Сандро продолжал возмущаться.

Майор Мишаков, торопясь и оговариваясь, прочитал какой-то текст, в котором присутствовали слова «процедура опознания», «при свидетелях» и «ведется видеозапись».

– Хорош ерундить, – сказал Сандро еще разок, и в кабинет вошел невысокого роста человек в светлом плаще. Перед ним майор тоже произнес какой-то текст, а потом человек повернулся лицом к Сандро и тем двоим.

И замер.

Вся комната словно замерла тоже.

– Че такое-то? – не понял Сандро.

Все происходящее не могло иметь к нему отношения. Он думал о том, что ему еще нужно звук сводить, билеты в Питер не заказаны, и в последнюю минуту верняк не окажется бизнес-класса, а поездом он ни за что не поедет, автографами замутузят его в поезде! Да и время терять неохота.

– Он! – выдохнул мужик в светлом плаще с восторгом и пальцем показал на Сандро. – Это он!

– Это я, – согласился знаменитый рэпер. – Селфи хочешь, чувак?..

– Расскажите, что вы видели. Свидетели, внимание! Камера пишет!

– Я видел, – торопливо заговорил мужик, – вот этого самого лысого ночью с двенадцатого на тринадцатое апреля, когда был злодейски убит мой сосед Милютин Александр Агтеевич. Я услышал шум на лестничной площадке, выглянул и увидел, как вот этот лысый закрывает за собой дверь квартиры номер восемь, где как раз и проживал Милютин Александр...

– Этого достаточно, – торжествующе перебил майор Мишаков. – Подставные свободны, свидетели свободны.

Сандро, думая про поезд и про будущий баттл, поднялся тоже.

– Ку-уда? – весело удивился майор. – Ты-то как раз занят! Я тебе обещал двадцатку, будет тебе двадцатка! А кто позавчера мне мозги канифолил? Не был, не состоял, не участвовал!.. Дурашка! Опознали тебя! Все вы, душегубы, ума малого, нет бы сразу явочку с повинной оформить!

Сандро вдруг словно споткнулся.

² Версус баттл – состязание двух рэперов (сленг).

– Постой, майор, – сказал он испуганно. – Это чего сейчас было? Вот тот хрен в плаще сказал, что он меня где-то видел?!

– Да не где-то, а на месте преступления! Аккурат в ночь убийства! – Мишаков тиснул в папку протоколы и вжикнул «молнией». – Ты же не в окно вылетел, там третий этаж, ты ножками пошел после того, как старикана до смерти забил!

– Где... третий этаж? – тупо спросил Сандро.

– А где ты убивал, там и этаж. Павлуш, надоел он мне, сил нет, давай конвой и в камеру его.

– В какую камеру, ты что, обалдел?!

Мишаков подошел к Сандро вплотную и сказал с презрением, словно плюнул:

– Дело закрыто, понял, нет? Думал, раз ты знаменитость, можешь стариков мочить? Все позволено?! В гробу я тебя видал с твоей знаменитой рожей!.. Где конвой, Павлуша?! И второго, второго давайте, вряд ли этот один на дело ходил, жидковат он для такого дела!

– Так, – сказал Сандро. – Я должен адвокату позвонить.

– А это сколько угодно. Это пожалуйста! Вот следователь приедет, выпишет постановление на арест и разберется, кому там ты звонить должен.

– Майор, – рэпер ПараDon'tOzz сжал и разжал кулак. – Я никого не убивал.

– Ну, ну, ну, еще давай так – это какая-то ошибка!.. Ошибки в анализах бывают, а у нас тут без ошибок!..

На Сандро нацепили наручники – он посмотрел на свои руки с изумлением, – и куда-то повели. Майор с лейтенантом вышли следом.

Знаменитый рэпер оглянулся и сказал из конца коридора негромко:

– Вы хоть брату моему позвоните, мужики.

Мишаков махнул рукой:

– Вали, вали, без тебя разберемся! Павлуш, протоколы все подписаны, как положено?..

Лейтенант приблизился к майору – вид заговорщицкий и несколько озабоченный, – и проговорил, сильно понизив голос:

– Протоколы-то подписаны, только... малость того... не совсем...

– Чего того?!

– Главный свидетель, получается, в адресе по Подколокольному переулку не прописан, а по закону положено...

Мишаков перебил, скривившись:

– Павлуша, молодо-зелено, салага ты еще! Кабы все до одного законы соблюдать, лучше сразу работу бросить!.. Душегубы на свободе пусть гуляют, а мы с тобой в народное хозяйство, морковь сажать!..

Павлуша насупился. Молодо-зелено, понятно!.. Все должно быть по правилам, их так в академии учили!

– Не дрейфь, лейтенант, – сказал Мишаков добродушно. – Пусть свидетель хоть где прописан, проживает-то в Подколокольном! Его там все знают!..

Павлуша согласился – знают.

– Ну и все-о-о, – протянул Мишаков с удовлетворением. – Считай, дело закрыто, отбегался рэпер этот, звезда, блин! Думал, я его не закрою! А я закрыл, блин!.. Учись, пока я жив!..

Часов в одиннадцать Ник всегда пил на работе чай.

Научный руководитель Михаил Наумович, у которого аспирант Галицкий когда-то защищался, смешно рассказывал, как пили чай в советские времена. Для начальства покупалась отдельная пачка – индийского «со слоном». Чай в желтой коробочке с нарисованным слоном считался самым лучшим. Сотрудники и сотрудницы попроще пили чай попроще – грузинский или азербайджанский. Грузинский котировался выше. К чаю вскладчину покупалось печенье «юбилейное» и еще – очень редко! – «курабье». Оно стоило дорого и быстро кончалось, не

напасешься! Ушлые плановички, тетки из планового отдела, у которых был «свободный график», выстаивали гигантские очереди в булочных и кондитерских за конфетами и продавали их поштучно к чаю. Ириска стоила две копейки, «коровка» три, а шоколадные все десять!.. Остальные страдалцы, принужденные сидеть за забором НИИ от звонка до звонка, жались, но конфеты покупали – чай дело святое!.. К одиннадцати, рассказывал Михаил Наумович, в комнату начальника сектора подтягивались лаборантки, инженерши и научные сотрудницы, ставился чайник, пересчитывались кружки. Пачку «со слоном» никто не брал. В плетеную сухарницу высыпали сушки, выкладывали «юбилейное» так, чтоб красиво получилось, без крошек. Сразу после одиннадцати прибывали мужчины – со своими кружками. Эмансипированные лаборантки и инженерши мыли только свои, мужские игнорировали, и тем приходилось выливать заварку в цветочные горшки, отчего «щучий хвост» и герань постепенно вяли и сохли, под краном в туалете кружек никто из мужчин не мыл!.. Последними приходили начальники – сам Михаил Наумович, его заместитель и начальник того самого сектора. В момент приготовления чая начальник сектора всегда скрывался в курилке.

Чай пили долго, полчаса, минут сорок, не меньше. Разговаривали о политике. Когда Михаил Наумович только пришел на работу, ругали Брежнева и Советский Союз, хвалили Джими Картера и Соединенные Штаты, вот у них там – да, наука, а у нас тут что!.. Потом ругали Черненко и Андропова, затем перешли к Горбачеву, а там – понеслось!.. В девяносто первом и девяносто третьем дружно побежали на баррикады – демократия, свобода, ветер перемен!.. Чайные дебаты достигли такого накала, что однажды Аркадий Бучеров неумело стукнул по носу Сашку Абрамцева – Аркадий был убежденный коммунист, а Сашок демократ. Политических противников разняли, разговоров о драке хватило на несколько месяцев. Чая «со слоном» не стало, конфет по три копейки за штуку и печенья «юбилейного» не стало тоже, и азербайджанский чай кончился в магазинах – там кончилось все. Заваривали чабрец и бадан, который присылала одной из лаборанток алтайская бабушка. Чабрец и бадан экономили – бабушка не успевала заготавливать.

Потом все кончилось. То есть вообще все.

Новая власть объявила разоружение – а институт, как и все тогдашние НИИ, работал исключительно на военную промышленность. Вместе с разоружением были объявлены «самоокупаемость» и «хозрасчет», предполагалось, что научные сотрудники должны сами зарабатывать себе на хлеб в рамках новых капиталистических отношений.

Ученые – а заодно инженеры и лаборантки – растерялись. Зарабатывать они не умели и плохо себе представляли, как можно заработать, продавая авиационные технологии!.. Разумеется, вскоре нашлись ловкие ребята, которые технологии тоже продавать не умели, зато живо распродали помещения института.

От огромного НИИ, заложенного в конце тридцатых, – с парком, фонтанами, сосновым бором, где стояли гигантские здания аэродинамических труб, среди них вертикальная, самая мощная в Европе, ею когда-то особенно гордились; с просторными корпусами, на них по традиции были выложены красным кирпичом даты постройки, 1939, 1956; с липовыми и березовыми аллеями, считалось, что ученым необходимы места, где они могут размышлять и прогуливаться, – осталась половина пятиэтажного корпуса с размороженными трубами и заколоченными сортирами. Из сортиров действовал только один, почему-то на пятом этаже.

Научные сотрудники постарше все как-то очень быстро умерли, года за два, так и не успев насладиться крушением ненавистой империи. Те, кто помоложе, поувольнялись. Самые активные уехали в Америку и как-то там пристроились, менее активные реализовывали государственный план по «самоокупаемости и хозрасчету», торгуя на рынках чем придется.

В «чайной комнате» теперь собирались пять человек – сам Михаил Наумович, единственная уцелевшая машинистка из некогда громадного отдела, она умела печатать научные тексты почти без ошибок и никогда не забывала оставлять пробелы для формул, которые вписывались

от руки, «плановичка», тянувшая лямку до пенсии, пожилая бухгалтерша и тот самый Аркадий Бучеров, получивший некогда в нос за коммунистические убеждения. Говорили о продуктах, которые было не достать!.. Машинистка, замирая, рассказывала, как в ее детстве на Кубани всего было навалом – и мясо, и сливки, и куры с гусями, а яиц вообще не считали, по утрам из курятника приносили по целой кошелке!.. Михаил Наумович толковал, как проектировали «Буран» и верили в возможность создания возвращаемого космического аппарата – вот были времена!.. А теперь этот самый «Буран» гниет на каких-то задворках, и никому нет дела до величия человеческой мысли. Вскладчину, как раньше «юбилейное», покупали сало, небольшой кусочек, и пожилая бухгалтерша его солила – в чистой тряпочке, с чесноком и перцем. Чеснок она ловко выращивала на своих шести сотках, ни у кого не вырастал, а у нее вырос-тал!.. Проходило дня три, и в «чайной комнате» наступал торжественный момент – делали бутерброды с салом. За хлебом Михаил Наумович выстаивал огромную очередь, но что оче-редь, когда есть сало!.. Его хватало ненадолго, и все ждали следующей зарплаты – может, через месяц, может, через три, – и тогда скидывались и покупали еще кусок.

А вокруг этого острова нищеты и запустения шла жизнь!..

На территорию, некогда совершенно секретную и недоступную, заезжали фуры, в отдан-ных под склады зданиях постоянно что-то разгружали; в инженерном корпусе бойко торго-вали оргтехникой и только что появившимися спортивными тренажерами, там же размеща-лись турбюро и подпольный оптовый магазин, отпускавший паленую водку. Дюжие молодцы в ворсистых пиджаках непередаваемого свекольного цвета, впоследствии они стали называться почему-то «малиновыми», поигрывая цепками и брелоками, крутя на заскорузлых пальцах ключи от раздолбанных «меринов», ходили по территории, задевая дюжими плечами случайно уцелевших научных сотрудников. Научные сотрудники втягивали головы в плечи и опускали глаза – чтобы не встретиться с ними взглядами, это было опасно. С одного из зданий, где некогда размещалось самое перспективное, самое секретное, самое научное и самое молодое отделение, осенним ураганом сорвало крышу, и отвалилась единица, часть кирпичной даты, остались три последние цифры – 965. Михаил Наумович шутил, что нужно краской дописать «до н. э.». Все, что было когда-то здесь – наука, технологии, только вперед, мы учим летать самолеты, – осталось где-то там, до новой эры!..

Когда Ник в начале двухтысячных пришел на работу, трубы уже залатали и кое-где пере-стелили полы. НИИ занимал целое здание, а не половину, и у сотрудников были компьютеры. Аспиранты защищались и чохом отбывали в Штаты и в Китай, кто-то даже в Австралию, хотя там никогда не было никакой авиационной науки!..

Потом неожиданно выяснилось, что для того, чтобы самолеты летали, необходимы спе-циалисты, которые знают, что нужно для этого делать.

Оказалось, специалистов нет. Все кончилось.

Как-то очень быстро с территории института разогнали оргтехнику и паленую водку, поправили заборы, установили пропускной режим – в проходных снова появились турникеты, а возле них дядьки в форме, – выделили какие-то гранты, потом стали поднимать зарплату, но специалистов по-прежнему не было. Студенты учились, защищались и тут же отправлялись за океан – там больше платили, жилье и еда стоили дешево, подержанные автомобили отдавали и вовсе почти даром, английский после появления Всемирной паутины перестал быть пробле-мой. Чего там учить, плевое дело!.. Да и потом, Шекспира-то читать не нужно, надо в терминах разбираться, а они во всем мире одинаковы.

Время шло, и все постепенно менялось.

Оказалось, что сделать карьеру проще не уезжая, – как раз потому, что специалистов не хватает! Оказалось, что заниматься наукой можно и здесь – и юридический отдел не проверяет каждое слово в отчете на предмет толерантности, что начальник отдела может взять на работу соискателя просто потому, что он нужен, а не потому что он болен СПИДом или является

негритянской многодетной матерью!.. Оказалось, что эмигрантский хлеб – даже при том, что подержанные машины и сосиски для барбекю очень дешевы! – не так уж сладок, что там то и дело приходится оправдываться, подтверждать лояльность и преданность «новой родине», что общаться получается только «в своей среде», то есть с братом-эмигрантом, что по телевизору все смотрят отчего-то исключительно отечественные сериалы и потом ругательски их ругают, и вопрос отношений с Украиной гораздо важнее и интересней, чем с Мексикой, хотя до Мексики рукой подать, а Украина во-он где, отсюда не видать!..

Николай Галицкий довольно быстро обзавелся сотрудниками, стал ездить на конференции в Италию и Францию, да и в Новосибирск – там тоже спохватились и зашевелились, – переехал в то самое здание, где некогда была самая перспективная и молодая наука. Крышу покрыли, а кирпичные цифры так и показывали 965 год!.. Старенький Михаил Наумович в «чайной комнате» рассказал новым аспирантам, как некогда хотел приписать белой краской «до новой эры», а они взяли и приписали!.. Никто не знал, как это получилось, кто лазил, когда, – по всей территории нынче были установлены камеры, «режим» вернулся, – но залезли и приписали!.. К годовщине института белые буквы замазали – ждали большое начальство, оборудовали вертолетную площадку для его, начальства, удобств, а тут на главном корпусе – «965 до н. э.»! Начальство прилетело и улетело, а буквы появились снова!.. Так с тех пор и повелось – их закрашивали, а они появлялись, и бдительность «начальника режима» пропадала втуне, прищучить шутников пока не удалось.

В «чайной комнате» вновь воцарилось оживление – к одиннадцати часам ставили чайники, их нынче было два, – накрывали столик: шоколадки, конфеты, модное печенье «без глютена», обязательно бутерброды с колбасой. На яства бухгалтерией выделялись деньги. Со всего этажа собирался молодежь, в последнюю очередь прибывало руководство – Николай Михайлович Галицкий, начальники отделов, Аркадий Бучеров, агитировавший на будущих выборах голосовать непременно за коммунистов. Кружек никто не приносил, они были закуплены централизованно.

Ника все это развлекало.

Чай пили долго, по полчаса, минут по сорок, и это было законное время для болтовни, флирта, разговоров о политике и науке. Некоторые фронтеры и особенно фрондерки приносили с собой растворимый кофе и сливки. Кофе всегда обязательно предлагался начальству. Начальство неизменно отказывалось – ничего не поделаешь, ритуал.

Вот и сегодня Ник налил себе чаю, выслушал Аркадия, который рассказывал о происках теневого мирового правительства и теории заговора, пообещал Михаилу Наумовичу вечером зайти – старик числился научным консультантом и до сих пор пописывал дельные статьи в иностранные журналы.

– А вы в Бразилию летите? – спросила Ирина из международного отдела. Ник ее остерегался, хотя она была хорошенькая, ему казалось, что она имеет на него виды.

– Собираюсь.

– Тогда вам нужно к нам зайти, документы оформить.

Морока с документами начиналась всякий раз, когда нужно было куда-то лететь. Ник эту мороку ненавидел и всякий раз был уверен, что теперь уж точно что-нибудь стрясется и «его не выпустят».

– Да что там оформлять, – пробормотал он, косясь на Ирину. – Все ведь как обычно...

– Нет, нет, вы зайдите, чтобы не в последний момент! Мне же визу нужно оформить!

– Туда без виз пускают.

– Как?!

– Николай Михайлович, из Новосибирска не звонили? – вступил аспирант Олег. – Вчера на мыло прислали инфу, что у них там какая-то производная рвется.

В Новосибирске тоже шел эксперимент. Ник моментально забыл об опасностях, связанных с документами и Ириной.

– Какая там производная рвется?! И почему они тебе прислали, а мне не прислали?!

Олег пожал плечами и почесал бороду. Нынче все аспиранты были при бородах.

– Да они сказали, что вам тоже отправили, но вы же почту не смотрите...

Это была чистая правда. Почту Ник не смотрел никогда.

– Хорошо, я взгляну.

– Николай Михайлович, а правда, что вашего брата арестовали? – ясным голосом спросила инженерша Зося. Она была вся белая, угловатая и чем-то напоминала Лису, подругу Сандро, которая задумчиво сосала чупа-чупс и не знала, зачем люди занимаются самолетами.

В «чайной комнате» моментально стало тихо и все повернулись к Нику. Тот замер на полдороге к чайнику.

– Ерунда какая, – пробормотал Михаил Наумович себе под нос. – Николай Михайлович, добавьте-ка и мне горяченького!

– Я в новостях видела, – продолжала Зося. Она сидела на столе и качала ногой в белом чулке и тяжелой коричневой туфле. Нога была похожа на спичку. – Правда показывали!.. Сказали, что знаменитый рэпер PapaDon'tOzz задержан по какому-то там подозрению! Правда? Задержан?

– Да нет, ну... – начал Ник и осекся.

В отделении-то они с братом на самом деле были. Вполне возможно, что всю эту канитель показали по телевизору! Интересно, мама видела или нет? Впрочем, если бы видела, она бы уже сорок раз позвонила.

– Вообще рэп сейчас – это сила, – сказал аспирант Олег, дуя в чай. – Сиплый такие перлы выдает! Новый Пушкин прямо! Хотя PapaDon'tOzz на прошлом баттле его уделал, конечно, особенно на дабл-тайме! Я и не знал, что PapaDon'tOzz так умеет! Я думал, только Файк и Домино!

– А за что его взяли-то? – не отставала Зося.

– Никто никого не брал! – Ник долил чаю Михаилу Наумовичу. – Просто... недоразумение.

– Так интересно, что он ваш брат, – протянул кто-то из аспиранток. – Вы совсем, ну, вот ничутьюшки не похожи!

– Как не похожи! Одно лицо! Я иногда смотрю – прям наш Николай Михайлович, только бритый!

– А вы их всех знаете, да? PapaDon'tOzz прошлый сезон шоу «Вопли» судил с Полиной Брызгалиной и Александром Датским, вы были на съемках, Николай Михайлович?

– Мне нужно почту посмотреть, – сказал Ник себе под нос. – Там, оказывается, какая-то производная рвется...

– Вот бы на съемки попасть! Вы были, Николай Михайлович?

– Ты лучше баттл посмотри, это клевет гораздо! Они там такие тексты забубенивают, мама не горюй!..

– Так вы к нам в отдел непременно зайдите, – напомнила Ирина, блестя глазами. – И как можно скорее, чтобы мы все успели, да?

И кончиками пальцев провела по Никовой руке. Тот скосил глаза. Ирина усмехнулась – какой пугливый!

В дверь заглянула секретарша отделения, обшарила глазами собравшихся и возликовала, увидев Ника:

– Колечка, там в приемной человек тебя дожидается. Я уж звонила-звонила, ты что, телефон куда задевал?..

Ник всегда и везде забывал мобильный телефон.

– Михал Наумыч, я зайду потом обязательно!

– И к нам не забудьте! – Ирина улыбнулась.

Она очень старалась. У нее было двое бесхозных детей, а Галицкий неженат и перспективен.

С кружкой в руке Ник быстро пошел по коридору, секретарша за ним не поспевала, распахнул дверь в приемную и замер – возле стола сидел давешний майор Мишаков. Он был в штатском и сосредоточенно ковырял заусенец.

– Вы... ко мне?

– А? – Мишаков поднял голову и сунул в рот палец. – А, да. Не то чтобы к вам, за вами я.

Секретарша вошла и стала основательно располагаться за столом. В окна ломилось апрельское солнце, заливало громадную фотографию планера «Су-57» в аэродинамической трубе на стене у нее за спиной. Рядом висел православный календарь с затейливыми красными буквицами.

– У вас тут строго, – вынув палец изо рта, продолжал майор как ни в чем не бывало. – Я пропуска два часа добивался!

– Режимный объект, – пояснил Ник.

– Оно и видно. Ну чего? Пошлите?..

...Уж я б тебя послал, подумал Галицкий. Уж послал бы так послал!..

Он распахнул дверь в кабинет – как начальнику отделения ему полагался отдельный кабинет!

– Проходите.

Майор Мишаков засмеялся:

– Да я бы и тут подождал, пока вы одежонку возьмете, хотя!.. – Он зашел за обитую коричневым дерматином дверь, Ник ни в какую не соглашался заменить ее на современную, пластмассовую, огляделся по сторонам, фыркнул и поторопил: – Давайте, давайте, руки в ноги и марш-марш!.. Мне ждать некогда, мне дело нужно в суд передавать!..

Ник поставил кружку с чаем на собственный стол, заваленный бумагами, распечатками и карандашами. Он писал всегда исключительно карандашами.

– Добрый день, – сказал он майору. – Куда я должен с вами ехать?

– В отделение, куда, куда!.. – нетерпеливо ответил Мишаков. – Ты мне только лицо не строй, не на того напал. Брательник твой строил, строил, а все равно на нарах отдыхает. Где барахло твое?

Он по-хозяйски распахнул один шкаф, другой – все не то, – и в третьем обнаружил пальто.

– Поехали, по-быстрому очную ставку проведем, да и дело с концом.

Майор вытащил пальто и кинул Галицкому. Пальто упало на паркет, Ник наклонился и поднял.

– Не верю я, – продолжал Мишаков, – что братан твой в одиночку дедулю до смерти забил, чую я, вы вдвоем постарались! Так что смотри – кто паровозом пойдет, а кто вагоном поедет, решать тебе. Как ты дело повернешь, так оно и будет. А ему все равно годков двадцать впаяют!

Дверь приоткрылась, и просунулась голова:

– Николай Михайлович, можно?

– Нельзя! – взревел майор Мишаков. – Вон отсюда!

Дверь испуганно закрылась.

Ник быстро и сосредоточенно думал.

– Значит, вы решили повесить убийство на нас с братом, – сказал он и сел на стол. – Это понятно. Это проще всего. Но у нас свидетели есть!..

– Да что ты говоришь?! – всплеснул руками майор. – А у меня нет, что ли?! У меня такой свидетель, что не подкупаешься! Своими глазами твоего брата видел, когда тот из квартиры убитого выходил, как раз ночью с двенадцатого на тринадцатое апреля. И показания его записаны, протокол оформлен, так что хорош дурить, профессор!

Ник, успевший оценить ситуацию, понял, что деваться ему некуда, только в окошко выпрыгнуть.

Он глотнул напоследок чаю, аккуратно поставил кружку на стол, нацепил пальто и вышел в приемную.

– Я отъеду ненадолго, – сказал он секретарше. Майор у него за спиной засмеялся. – Михал Наумыча предупредите, что меня не будет до вечера. И Олега. Нет, Олегу я сам позвоню.

– Он позвонит, позвонит, – поддакнул майор.

Навстречу попалась Ирина – как видно, народ только расходился из «чайной комнаты» – и сделала большие глаза, увидев Ника с майором.

– Уезжаете, Николай Михайлович?

– Я постараюсь вернуться побыстрее, – сказал Ник, и майор опять ехидно засмеялся.

По территории института они шли молча и долго – пропуск на машину майору, как видно, не удалось добыть. Когда дошли до фонтана, Мишаков спросил неожиданно:

– А это чего такое?

Ник посмотрел.

– Лестница там за каким льдом? В фонтане?

– Для белок, – ответил Ник. – Белки в жару приходят пить, падают в воду и не могут выбраться. Для них и приспособили. С лестницы они не падают.

– Вот цирк! – восхитился майор. – Для белок!..

По обеим сторонам аллеи размещались солидные щиты с портретами знаменитых ученых, когда-то работавших в этом институте, – начиная от Жуковского и Капицы.

– А это кто? – поинтересовался любознательный майор. У него было прекрасное настроение.

Ник опять глянул.

– Рецидивисты, – сказал он, сдерживаясь, чтобы не нахамить как следует. – Ранее отпущенные, но вновь преступившие закон.

Майор положил руку ему на плечо.

– Ты со мной не шути, парень, – посоветовал он. – Я серьезных людей сажал, не чета вам с братом, недоумкам голопопым!

– Какие уж тут шутки.

Полицейская машина стояла прямо за проходной, возле нее курил и сплевывал соскучившийся водитель.

Ник остановился.

... Я туда не хочу. Я не умею со всем этим бороться! Я ненавижу проблемы, а они серьезные – прав этот самый майор Мишаков!..

– Давай полезай назад. Вон, за решеточку! Или за шиворот тебя тащить?

Ник торопливо и неловко, оскальзываясь и опасаясь, что кто-нибудь из сотрудников обязательно увидит, забрался в машину. Двери захлопнулись. В первый раз в жизни он ехал вот так – за железными прутьями! Он трясся на жестком сиденье и уже чувствовал себя преступником, и понимал, что ничего не сможет поделать – решетчатые челюсти перемелют и его, и Сандро, и то, что останется от них, будет не пригодно к нормальной жизни, без решеток и наручников.

На тротуаре возле отделения слонялись люди с камерами, должно быть, журналисты. Некоторые фотографировали через забор «Порше» рэпера ПараDon'tOzza, загнанный в самый угол полицейской стоянки.

Майор на переднем сиденье что-то энергично говорил водителю, через пуленепробиваемое стекло Ник не слышал ни слова, но понятно было, что Мишакову не нравятся люди на тротуаре!

Машина заехала во двор, Ник проводил глазами закрывающиеся ворота с колючей проволокой, намотанной поверху, и остановилась. Двери распахнулись, Ник выпрыгнул.

– Туда давай!

Ник не успел взяться за железную скобу двери, как она распахнулась, и навстречу выскочил молодой человек в форме. В тот, первый, день Мишаков называл его Павлушей.

– Товарищ майор, – выпалил молодой человек, тараща глаза. – Плохо дело, адвокатишка приехал, права качает, вас требует!

– Отставить! – гаркнул Мишаков. – С адвокатишкой я разберусь, а этого в допросную, быстро! И глаз с него не спускать! Он со страху может в бега податься, тихий больно, знаю я таких!..

Павлуша, напирая корпусом, погнал Ника по коридору – тот послушно, как баран, шел, куда его толкали. За одной из дверей разговаривали на повышенных тонах, и ему показалось, что он узнает голос брата.

Лейтенант втолкнул Ника в полутемную комнату с железным столом и табуреткой, прикрученной к полу. Бабахнула, закрываясь, дверь. Стало тихо.

Ник долго стоял, прислушиваясь, потом сел на табуретку и вытянул ноги.

– В Бразилии, – сказал он вслух спустя какое-то время, – такое изобилие невиданных зверей.

Звери прицепились к нему надолго.

... Домашние звери стояли в пещере... Верь не верь, дикий зверь – верь не верь, великий зверь... Заяц – зверь ушлый.

Сначала Ник ходил из угла в угол, потом стоял у стены, прижавшись спиной, замерз и снова стал ходить. Сел на табуретку и посидел немного. Постоял под решеткой окна, оно было высоко, под самым потолком, и почти не пропускало света.

...Странно, что из Новосибирска прислали письмо Олегу!.. Ах да, мне тоже прислали, но я почти не смотрел. Какой дебил придумал эту самую почту, как будто по телефону нельзя позвонить!..

...Дебил-крокодил. Всякий дебил знает, кто такой крокодил. Крокодил на задних лапах ходил.

На часы Ник старательно не смотрел, запретил себе смотреть. Почему-то ему казалось важным избавиться от чувства времени, которое шло за стенами этой комнаты по каким-то другим законам. Здесь, внутри, оно идет совсем не так, поэтому нельзя смотреть на часы, мало ли что там увидишь.

Он слонялся из угла в угол, сидел, стоял, пытался посчитать спектр функции в степени минус икс квадрат и долго думал о том, что теория функции комплексного переменного, которая была одним из сложнейших институтских курсов, редко пригождается ему в работе, интересно, почему?..

Дверь открылась, и с той стороны скомандовали:

– Выходи, живо!..

Николай Галицкий в это время как раз стоял под решетчатым окном.

– Кому сказано, на выход!

Ник вышел в коридор, и время вдруг вернулось!..

В коридоре ходили люди, хрипела в отдалении рация, звонил телефон, и приглушенный женский голос бубнил монотонно: «В соответствии с вашим запросом сообщаем, что на территории нашего района подобных случаев не наблюдалось...»

– Туда проходите, – и лейтенант Павлуша показал Нику рукой, куда проходить. Корпусом не напирал и в плечо не тыкал!..

Ник посмотрел – он просидел в «допросной» два с половиной часа, ого!..

В кабинете с табличкой «Начальник отдела розыска» он увидел Сандро, адвоката Глебова и майора Мишакова.

Сандро сидел на стуле и обеими руками тер лицо, Глебов стоя перелистывал в папке бумаги, майор сидел за столом, вид у него был взбешенный.

– А Николай Михайлович, – кивнув Нику, словно продолжил ранее начатую речь адвокат, – тут вообще ни при чем, и вы должны это понимать, майор!.. Зачем вы время тянете, мы должны были закончить три часа назад, все ведь понятно!..

– Мне одно понятно, – выговорил майор, старательно проглатывая слова-связки, – чем богаче сволочь, тем больше у нее шансов от ответственности уйти, вот это мне понятно!..

Глебов пожал плечами. Сандро вскинулся было на стуле, но плюхнулся обратно.

– Я вам десять раз перечислял процессуальные нарушения, допущенные в ходе задержания! Вы не имели права задерживать моего клиента, уж о его брате и речи нет. Вы даже протокол опознания с нарушениями составили, майор! Это не протокол, а... – Лощеный Глебов искал сравнение и выразился литературно: – Филькина грамота!.. Вы же опытный человек! Главный свидетель вообще невесть откуда взялся, в Подколокольном переулке не прописан, откуда известно, что он – сосед? Где это зафиксировано?

Мишаков посмотрел на адвоката. Взгляд был тяжелый, словно свинцовый.

– Никогда у нас в стране порядка не будет, – сказал он в конце концов, – если мы будем убийц сажать, а потом отпускать!.. Потому что на них лучшие крючкотворы работают!..

Глебов помолчал немного.

– На первый раз крючкотворов я вам прощу, – проговорил он медленно. – И мой вам совет, майор. Свидетелей найдите и опросите. У моего клиента алиби, есть свидетели, я вам на них указал. И шевелитесь, шевелитесь!.. Вы за это зарплату получаете.

– Еще про зарплату мне расскажите!.. Поучите меня!..

– Мы можем идти? – осведомился Глебов.

Майор молчал, смотрел в сторону.

– Александр Михайлович, Николай Михайлович, за мной. Да, майор, и машину верните сразу! Ваша машина на спецстоянке, Александр Михайлович?

– Почему я знаю, – пробормотал Сандро.

– Павлуша,ними печати с тачки, отдай ключи, – процедил майор в сторону лейтенанта. И посмотрел на Сандро. – Вот я клянусь, рэпер хренов, я тебя посажу. Ты убил, тебе и отвечать, и братцу твоему научному! А сейчас пошли вон отсюда!..

Глебов придержал дверь, и Ник вышел следом за Сандро.

– Будут вопросы, звоните, – сказал адвокат напоследок и захлопнул дверь, за которой сразу что-то обвалилось, словно потолок рухнул, дзинькнуло, а потом послышался заковыристый, зигагообразный мат.

– Каков затейник, – под нос себе пробормотал Глебов. – Сандро! Стой!

Рэпер ПараDon'tOzz дернул плечом.

– Стой, я сказал! Там журналистов до черта!

– Оу, е-е-е...

– Нико, ты на машине?

Ник покачал головой:

– Меня полиция привезла.

Адвокат скривился:

– За каким лешим ты поехал, а?! Вот народ, хоть бы на ночь законы читали, что ли! Ты же грамотный вроде! Или мне бы позвонил сразу!.. Его повезли, и он поехал! Зачем?!

– Чтобы скандал на весь институт не затевать, – процедил Ник.

Со всех сторон на них смотрели – открывались двери кабинетов, выглядывали люди и пялились. У всех были телефоны.

– В сортир, быстро, – скомандовал Глебов. Он был собран и сосредоточен, оба брата слушались его.

В туалете было холодно, сильно тянуло табаком и мочой, из ржавого крана тонкой струйкой лилась вода. Ник подошел и завернул кран.

– Пипец, – сказал Сандро.

– Переодеваемся, – подумав секунду, решил Глебов. – Ник, давай мне свое пальто. Сандро, отдай ему куртку и кепку. Портфель мой заberi, Нико.

Братья быстро и молча сняли верхнюю одежду. Почему-то они никак не могли друг на друга посмотреть, словно от стыда.

– Я подгоню машину, – продолжал Глебов. – Очки давай, Ник!

Галицкий протянул ему очки.

– Ничего не видно, – пожаловался Глебов. – Сколько тут у тебя?

– Минус четыре.

– Досчитаете до семи, и выйдет Ник в куртке и кепке, Сандро сразу за ним. Раскусят нас моментально, но будем надеяться, секунд пять мы выиграем. Снимать они будут куртку и кепку, а показать потом все равно не смогут.

– Почему не смогут? – не понял Ник.

– Потому что тебя показывать смысла нету, – как-то даже весело ответил ему адвокат. – Даже в кепке и куртке ПараDon'tOzza!..

Дверь в туалет распахнулась, на пороге показался лейтенант Павлуша – тоже с телефоном.

– Действуем быстро, мужики!..

Гуртом они выскочили в коридор, и Глебов моментально юркнул за дверь. В проеме было видно людей с камерами и микрофонами – много.

– Ты считаешь? – спросил Сандро. – До семи?

Ник выскочил на крыльцо, к нему бросились люди, он шарахнулся было назад, но подлетела глебовская машина.

– ПараDon'tOzz, в чем вас обвиняют?! Вы провели ночь в тюрьме? Вы соберете пресс-конференцию? Это правда, что вы убили человека? Вас будут судить? Когда?

– Быстрее! – проорал изнутри Глебов, распахивая пассажирскую дверь.

– Это не он! – взвизгнул кто-то из толпы. – Он – вон! Снимай того, в пальто, снимай скорей!..

Но Глебов уже нажал на газ, машина тронулась, Сандро упал на заднее сиденье.

– Пипцовый пипец, – послышалось оттуда.

Глебов вырулил на шоссе, посмотрел в зеркало заднего вида – за ними бежали люди, – вильнул направо, потом налево, перелетел перекресток на желтый, прибавил скорость и снова повернул.

– Вот она, слава, – заключил он наконец и засмеялся. – Сандро, можешь сесть.

– Мне на работу нужно вернуться, – проинформировал Ник.

– Неплохецки я на нарах время провел, – поделился Сандро. – Душеполезно.

– Откуда взялся этот свидетель? – спросил Глебов серьезно. – Который тебя опознал? Сосед Милютина?

– В рот мне ноги! Откуда я знаю?!

– Сосед? – переспросил Ник. – Он взялся из дома номер 12 в Подколокольном переулке. Я его видел, когда позавчера туда заходил.

– Зачем ты туда заходил?!

– Поговорить хотел. С родственниками Милютина, который оставил завещание в нашу пользу. Никаких родственников там нет, зато был сосед.

– И что?

Ник подумал, вспоминая.

– Ничего, Павел. Он сказал, что Милютин жил один, и я ушел.

– Занятно, – протянул Глебов. – Ты ушел, а он побежал в отделение! До этого не бежал, а тут побежал! И сразу же узнал в Сандро злодея!..

Он еще раз повернул и продолжил:

– Если б они документики в соответствии с законом оформили, ничего бы я не смог поделывать, парни. Сандро, ты бывал в доме, где жил убитый?

– Е-е. Нет.

– Даже по пьяни?

– Павлик, я до положения риз напиваюсь только дома. На людях – никогда. Когда напиваюсь, не выхожу никуда.

Ник усмехнулся. До положения риз!.. Иногда он словно забывал, что брат не просто охламон, добившийся некой непонятной охламонской известности, а вполне образованный человек. Философский факультет, красный диплом, стажировка в Оксфорде, Шекспир в подлиннике.

– Нужно думать, – заключил Глебов. – Я вас здесь высажу, ладно? У моего офиса наверняка уже караулят. Сандро, возле твоего дома тоже. Ты бы у Ника переночевал, пока они не расчихали.

– Мне на работу нужно, – повторил Ник.

– Что ты заладил! – с досадой сказал Сандро. – Мне в Питер нужно, на лайв-баттл³, я же молчу, блин!..

– Здесь тихо, народу в переулках мало, – продолжал Глебов. – Потихоньку-полегоньку доберетесь. Сандро, я тебе буду звонить, телефон не выключай. Незнакомые номера сразу сбрасывай. А лучше новую симку купи, только не на себя, а на водителя, к примеру, и скинь мне номер. Нико, если за тобой опять приедут, гони в шею! И сразу мне звони.

– Спасибо, Павлуш, – сказал Сандро с заднего сиденья. – За мной не заржавеет.

– Я знаю. – Глебов через плечо протянул руку, Сандро пожал.

«Ягуар» причалил к нарядному дому со львами, держащими в передних лапах шары, братья выбрались из машины и проводили ее глазами.

– Если бы не мои деньги, – сказал рэпер ПараDon'tOzz вслед «Ягуару», – хрен бы нас отпустили. Правосудие, е, честное следствие, рожденная революцией!..

– Плохо дело, – себе под нос пробормотал Ник. – Не отстанет он от нас.

– Кто?

– Этот майор.

– Как – не отстанет, если мы не при делах?!

– Мы его бесим. Особенно ты.

– Да из-за меня многие бесятся, – молвил Сандро беспечно, – не один этот майор!.. Слушай, я жрать хочу не могу, и помыться! Там такая вонь, в этой кутузке!..

– Почему на самом деле сосед позвонил после того, как я пришел? Ведь наверняка его опрашивали или как это у них называется, у полиции? И он ничего не сказал! А сказал только... потом. Почему?

– Да он больной, может! Какая разница?!

Тут Ник схватил брата за лацканы глебовского пальто – поменяться одеждой они забыли!

– Ты понимаешь, что это все всерьез, – зашипел Ник. – Совсем всерьез, без дураков!

³ Лайв-баттл – соревнование рэперов (сленг).

- Отпусти, белены, что ли, обьелся?!
- Человек оставил наследство, почему-то нам с тобой, а мы этого человека в глаза не видели! Я даже у матери спросил, не знает ли она такую фамилию – Милютин?!
- Обалдел?!
- Она не знает! А там наследство... Какие-то дома, квартиры, коллекции, черт знает что!.. И его убили! Как доказать, что убили не мы с тобой?! Ради этого чертова наследства!
- Мы в ту ночь спали у родителей, – пробормотал Сандро.
- Точно? – переспросил Ник и тряхнул его еще раз. – Точно спали?..
- Сандро стряхнул руки Ника с глебовского пальто и поправил воротник.
- Точно, – сказал он, не глядя на брата. – Вот мы сейчас пойдем и спросим, е, у этого соседа, как это он меня там видел, когда меня там не было и быть не могло!
- Не могло? – снова переспросил Ник. – Говори правду!..
- Я. Никого. Не. Убивал, – выговорил Сандро и первый раз взглянул Нику в глаза. – Пошли! Или тебе на работу надо?! Куда идти-то?!
- Подколокольный, двенадцать, – машинально сказал Ник. – Это рядом, здесь все рядом, в центре. Зачем мы к нему пойдем? Он опять полицию вызовет, и нас опять загребут!
- Не дрейфь, бро! – Сандро улыбнулся. Улыбка у него была дивная, он знал это и умел ею пользоваться. – Бить его я не стану! Я просто спрошу! Тихо, мирно, без всякого такого. А ты можешь ехать на работу!
- Ну, конечно, – сквозь зубы процедил Нико. – Почему твои проблемы – всегда мои?! Почему я должен...
- Ты ничего мне не должен, – перебил его брат. – Я без тебя разберусь. Включай навигатор, где этот Подколокольный?
- Телефон Ника остался на работе. Как только Сандро включил свой, тот бешено затревожился, и пришлось его сразу выключить.
- Маме нужно позвонить, – сказал Ник с тоской. – Если нас в новостях показали, она там с ума сходит.
- Позвоним! Мадам, вы не знаете, в какой стороне Подколокольный переулок?
- Старушка, катившая сумку на колесах, остановилась и принялась с удовольствием объяснять. Сандро слушал, кивал, Ник голову мог дать на отсечение, что он ничего не понимает и не запоминает. Он знал своего брата!
- И очки, – бормотал Ник горестно, пока старушка объясняла. – Очков тоже нет! Я же не вижу ничего! И еще эта Бразилия! Может, не лететь?..
- На кого-то ты похож, сынок, – сказала старушка и улыбнулась, взявшись за сумку. – А может, мне от старости кажется! Я когда в Москву приехала в пятидесятом по лимиту, мне все чужими казались. А теперь как будто свои!..
- Свои, свои, – уверил Сандро. – Слушай, Ник, вроде на первом перекрестке направо, потом вниз и налево. Или сначала налево, а потом направо, как-то так.
- Блуждали они долго.
- Липы, словно тронутые акварельной краской, стояли, не шелохнувшись, из черной земли лезла молодая трава – иглами, окна в домах были вымыты к Пасхе, и у других львов у подъезда другого дома, державших в пастях чугунные цепи, были веселые морды. Ник всегда любил весну в Москве, а сейчас особенно, когда насадили деревьев, разогнали машины, разбили клумбы и наставили каменных ваз с немудрящими цветочками.
- Я спать хочу, – ныл Сандро. – Я есть хочу!..
- Вон кафе, – отвечал Ник.
- Ты че, сдурел, бро?! Это тошнيلовка какая-то! И автографами зае... задерут!

Возле дома номер двенадцать в Подколокольном переулке ничего не изменилось – людей мало, машин тоже почти нет. Ник оглянулся по сторонам, не гуляет ли вредный мопс Моня с девчонкой, но их не было видно.

Сандро нажал кнопку домофона, как-то очень убедительно наврал консьержке, что он в гости в такую-то квартиру, их пропустили.

Ник никогда не умел так разговаривать с людьми.

Они поднялись на третий этаж.

– Вот тут я его встретил, – сказал Ник, и голос его гулко отразился от толстых стен. – Я позвонил, а он как раз вышел из лифта и стал открывать свою дверь.

– Как его?..

– Виктор Павлович, что ли.

Сандро решительно позвонил в квартиру номер семь. Раздались приглушенные трели. Ник быстро вздохнул.

...Меня посадят, эксперимент остановят, и я так и не узнаю, какая там проблема в Новосибирске. У них проблема, и без меня они ее не решат!..

Дверь открылась. Ник сделал шаг и стал у Сандро за плечом, словно подпирая его.

– Вы к кому? – удивилась открывшая девица.

Сандро улыбнулся – у него была дивная улыбка, и он этим всегда пользовался!.. – она сразу же улыбнулась в ответ.

– Нам нужен Виктор Павлович... – он запнулся, но вспомнил, – Селезнев! По делу. Он дома?

Девица сделала большие глаза.

– Не знаю, может, и дома, – сказала она весело, – но не у нас. У нас дома никакого Виктора Павловича Селезнева нету!

Сандро оглянулся на Ника. Тот посмотрел на девицу.

– Здесь живет Виктор Павлович Селезнев, – сказал Ник как можно более убедительно. – А в той квартире жил Милютин, так ведь?

– Правильно, – согласилась девица. – Милютин жил, но его убили. Ужасная история. В нашей квартире живем мы, а никакой не Селезнев!..

Что-то, по всей видимости, отразилось у них обоих на лицах такое, что она сказала быстро:

– Хотите, паспорт покажу?..

– Нико, ты ничего не перепутал? – спросил Сандро. – Это именно тот дом и тот подъезд?

– Можно мы зайдем на секунду? – Ник словно разом лишился сил. – Мы... не злодеи, правда.

Девица колебалась, но недолго.

– Заходите! – и она отступила в квартиру, пропуская их. – Если вы все-таки злодеи, моя преждевременная смерть будет на вашей совести. Обувь можно не снимать. Прямо и направо.

Один за другим они прошли – прямо и направо. Девица где-то задержалась, но через секунду появилась, в руках у нее был паспорт.

– Вот, пожалуйста. Прописку хотите посмотреть?

Паспорт недвусмысленно свидетельствовал, что в доме номер двенадцать по Подколокольному переулку в квартире номер семь прописана Кутайсова Авдотья Андреевна.

– Это я, – сказала Авдотья Андреевна, тыча пальцем в паспорт. – Видите морду лица? Ну, то есть фотографию?

– А... Селезнев? – спросил Ник.

– Дался вам Селезнев какой-то, – нетерпеливо проговорила девица. – Вы правда, может, домом ошиблись?..

– Меня зовут Николай, – спохватился Ник. – А это мой брат Сандро. То есть Александр. Наша фамилия Галицкие.

Он полез во внутренний карман, скривился – куртка-то не его! – и никакого паспорта там не оказалось.

– А паспорт где?..

– В Караганде, – буркнул Сандро. – Глебов увез, должно быть. Девушка, драгоценная, вы всегда здесь живете?

– В каком смысле? – удивилась Авдотья Андреевна. – С тех пор как родилась.

– И двенадцатого апреля вы здесь были? – перебил Ник. – И тринадцатого?

Девушка посмотрела в лицо сначала одному, а потом другому.

– Вы какие-то странные, – сказала она задумчиво. – Хотите чаю?

– Да! – воскликнул Сандро.

– Нет, – отказался Ник.

– Прекрасно, – оценила Авдотья Андреевна, – тогда пойдемте на кухню.

В центре кухни помещался овальный стол, покрытый скатертью, братья приткнулись по разные стороны напротив друг друга и одинаково выложили на скатерть руки. Девушка Авдотья Андреевна набулькала в чайник воды из канистры, нажала кнопку и уселась в торце, оказавшись таким образом между Галицкими.

– Я жду объяснений, – сказала она. – Что за Селезнев, почему он должен жить в моей квартире и что за вопросы про двенадцатое апреля?..

Ник и Сандро посмотрели друг на друга.

– У вас в подъезде есть камеры? – спросил наконец Ник.

– Можно мне бутерброд с сыром? – попросил Сандро. – А то моя преждевременная кончина от голода будет на вашей совести!..

Ух ты, оценил Ник. И никаких тебе «е» и «че», и никакого «пипца», а сплошная «преждевременная кончина»! Оксфорд, аспирантура, Шекспир, всякое такое...

– Есть бульон, – не моргнув глазом, сказала Авдотья Андреевна. – Из петуха, он гораздо вкуснее куриного. Хотите?

– Хочу! – завыл Сандро. – Вы святая и посланы нам небом!..

– Ничего себе, – удивилась девушка.

– Видите ли, – начал Ник, – я встретил на вашей лестничной площадке мужчину, и он сказал, что живет в этой квартире. Такой... невысокий, в светлом плаще.

– А потом этот же человек сказал, – подхватил Сандро, – что видел меня здесь же в ночь с двенадцатого на тринадцатое апреля.

– В моей квартире?! – поразились Авдотья Андреевна, помещая на чугунную конфорку газовой плиты медный ковшик. – Если вы здесь были хоть в какую-то ночь, я бы запомнила!..

– Кто кроме вас здесь живет?

– Никто, – сказала девушка. – Вам с лапшой или так?

– А как быстрее?

Она усмехнулась, ловко опустила в кипящий бульон горсть лапши и сказала, что и так и сяк быстро.

– Мы не продвигаемся, – заметила она, нюхая пар. – Я ничего не понимаю.

– Мы сами, честно сказать, ничего не понимаем.

– Плохо, – заключила Авдотья Андреевна.

Разлила огненный бульон в две одинаковые тарелки, выложила салфетки и ложки, подумала, поставила в центр солонку и перечницу. Братья принялись синхронно хлебать.

Она уселась на свое место и честно ждала, пока они поедят. Сандро доел суп в пять минут, и она добавила ему еще.

– Понимаете, – проговорил Сандро, нагибаясь над тарелкой, – я в тюрьме сидел, проголодался сильно.

Если она и дрогнула, то виду не подала.

– В тюрьме, должно быть, рацион так себе.

Она забрала тарелки, подала чашки и невесть откуда взявшееся блюдо с сыром и виноградом – когда она успела все это соорудить, непонятно!..

– А вашего соседа Милютина? Вы знали?

Авдотья Андреевна пожала плечами.

– Его хорошо знали мои бабушка и дедушка. А я... просто соседствовала. У него собака такая была забавная, дворняга, но очень умная! С собакой мы дружили. Я иногда с ней даже гуляла, когда Александр Аггеевич просил.

– А его родственников знали?

– Не было никаких родственников, – заявила девица. – Бабушка всегда Александра Аггеевича жалела, говорила, что человек совсем один на белом свете, нехорошо это. Почему вы спрашиваете? Вы из полиции, что ли?

– Там мы тоже были, – махнул рукой Сандро. – Я прямиком из КПЗ.

– Мы не из полиции, – сказал Ник.

– Тогда что вам нужно?

Ник плотнул чаю. После всех сегодняшних переживаний и целой тарелки бульона из петуха – который гораздо вкуснее куриного! – ему захотелось спать. Вот бы лечь, накрыться чем-нибудь теплым, старым платком, например, и перестать думать.

Самое главное – перестать думать!..

– Ваш сосед, – заговорил он, – Милютин Александр Аггеевич почему-то завещал нам с братом, – и он показал, с каким именно братом, – все свое имущество. Двенадцатого апреля в ночь его убили, и следствие считает, что убили его мы. Из-за наследства!..

– А мы не убивали Милютина Александра Аггеевича, – подал голос Сандро. – Мы, видите ли, третьего дня даже не знали о его существовании! Не подозревали!

– Самым главным свидетелем оказался его сосед, Селезнев Виктор Павлович, – продолжал Ник. – Он заявил, что видел Сандро выходящим из квартиры Милютина как раз в ночь убийства.

– Какой сосед?

– Тот, что живет в этой самой квартире.

Девица помолчала.

– Мы зашли в тупик, – резюмировала она. – В этой квартире живу я. Без всякого Селезнева Виктора Павловича! Бабушка с дедушкой лет семь назад переехали в Сочи, а квартиру оставили мне. Дедушка всю жизнь мечтал жить в тепле возле моря!.. В Москву они не приезжают, мы с родителями к ним летаем, а они ни за что!..

Ник взялся за лоб. Собственная рука показалась ему очень холодной, а лоб горячим.

– Двенадцатого апреля, – продолжала Авдотья Андреевна, пожалуй, с сочувствием, – здесь никого не было. И тринадцатого тоже! Я ночевала у Марины, своей научницы. Ну, научного руководителя!

– Вы ученая девушка? – спросил Сандро и улыбнулся. – Мой брат Нико тоже ученый.

Авдотья Андреевна мельком посмотрела на Ника.

– Я занимаюсь индонезийским фольклором, – пояснила девица. – А вы?..

– Аэродинамикой.

– О!..

Все трое помолчали, словно собравшись со своим новым положением.

– Странная история, – наконец сказала Авдотья Андреевна. – Просто чепуха какая-то редкостная. Хотите кофе?

Сандро немедленно захотел кофе.

Девушка куда-то вышла, а Ник хмуро велел брату хотя бы не лезть в ванну.

– Ты уже поел, попил, осталось только ванну принять!

– А что? – Сандро ухмыльнулся. – Это было бы отлично.

Авдотья вернулась с крохотными кофейными чашками в руках.

– Но ведь в полиции, – начала она, – проверяют паспорта! Или я ошибаюсь? У этого вашего так называемого свидетеля в паспорте не может быть написано, что он живет здесь, потому что он здесь не живет.

– Вот именно, – сказал Сандро с удовольствием. Девушка чем дальше, тем больше ему нравилась.

– Произошла какая-то путаница, – вступил Ник. – И мы пока не можем в ней разобраться.

Она разлила кофе и рядом с сырной тарелкой, наполовину съеденной, появилась дополнительная – со свежей малиной и орехами.

Сандро застонал:

– Я же знал, что вы ангел!.. Чистый ангел!..

Авдотья Андреевна хмыкнула.

– Что вы от меня хотите? – спросила она, пригубив кофе. – Чтобы я пошла в полицию и заявила, что здесь отродясь не было никакого Селезнева?

– Это было бы... прекрасно, – сказал Ник, не ожидавший от нее такого благородства.

Кофе и лапша одно дело, а идти куда-то и что-то там заявлять, подписывать, доказывать – совсем другое, неравнозначное.

– Я бы за вами заехал, – предложил Сандро, сверкая глазами. – Только машину мне отдадут! Она, видите ли, возле тюрьмы осталась.

– Можно подумать, у тебя одна машина, – пробормотал Ник.

– Точно! – возликовал брат. – Поедем на другой!

– Но он же откуда-то взялся, – продолжал Ник, – этот человек! Он приехал на лифте, вышел и подошел к вашей двери. И достал ключи!..

Авдотья Андреевна немного подумала.

– Когда это было?

– Позавчера.

– В каком часу?

– Вечером, – сказал Ник. – Точно не помню, но вечером! После работы я поехал к нотариусу выяснять подробности этого самого завещания. Нотариус дала мне адрес, и я пришел сюда. Мне даже звонить не пришлось, потому что какая-то девочка вела на прогулку собаку. Мопса, похожего на табуретку! Она открыла дверь, и я зашел.

– Моня, – кивнула Авдотья. – Со второго этажа. Вредное животное.

Сандро доел с тарелки сыр и теперь горстью зачерпывал орехи, ссыпал в пасть и энергично жевал.

– Позавчера я приехала поздно, – задумчиво продолжала Авдотья Андреевна. – После одиннадцати, должно быть. Нет, какая-то дикая история, честное слово!..

– И все же, – вмешался Сандро, прожевав, – можно я заеду за вами, допустим, завтра? И мы съездим в отделение, и вы им скажете, что Селезнев Виктор Павлович здесь не проживает! Можно?..

Авдотья Андреевна пожала плечами.

– Мы не злоумышленники! – умоляющими, страдающими и черт знает какими глазами глядя на нее, продолжал ныть Сандро. – Мы безвинно пострадавшие!

– Сандро, – перебил Ник. – Не кривляйся.

– А вы старший брат, да? – живо спросила Авдотья.

Ник кивнул.

– И опекаете младшего?

– Я совершенно самостоятельная личность! – воскликнул Сандро. – В опеке не нуждаюсь, нахожусь в здравом уме и твердой памяти.

– По-моему, никто в здравом уме и твердой памяти не читает рэп, – заявила Авдотья. Братья Галицкие переглянулись.

– То есть вы меня узнали? – на всякий случай уточнил Сандро.

– Вас не узнать трудно, – сказала девица. – Вами переполнен интернет и телевизор. Только вчера показывали повтор финала конкурса «Вопли»! Вы его судили.

– Судили-рядили, – повторил Сандро. – Почему вы сразу не попросили у меня автограф?

– За каким лешим ей твой автограф, Сандро?!

– Почему вы так странно друг друга называете? – осведомилась девица. – Вы же Александр, да?

– А он Николай! Наш грузинский дедушка так нас называл, и теперь все тоже так называют – Нико и Сандро! А что? Вам не нравится?

Ник положил на салфетку тоненькую невесомую кофейную ложечку. Подумал и переложил ее в блюдце, рядом с чашкой. Немудрящие действия он проделывал медленно и сосредоточенно.

Все ясно и понятно. Брат позабыл обо всем на свете. Ему понравилась Авдотья Андреевна – еще как понравилась! – и на все остальное ему наплевать. Уголовное дело, кутузка, майор Мишаков, неизвестное наследство – фьюить! – и выдуло у него из головы словно свежим апрельским ветром. Глаза блестят, улыбается умильно, того и гляди на одно колено встанет!..

Как бы его приструнить?..

– Авдотья Андреевна, – Ник приступил к приструнке, – можно ваш телефон? Мы поговорим с адвокатом и позвоним вам. Если понадобится, вы согласитесь подъехать в отделение и подписать показания? Что не знаете никакого Селезнева и что он здесь не проживает?

– Фамилия нашего дедушки Дадиани, – Сандро не обратил на изменившийся тон брата никакого внимания. – Он, знаете ли, был грузинский князь!..

– Уймись, – пробормотал Ник. – Что такое!..

– Запишите мой номер, – продолжал Сандро. – Нет, лучше я вам сам позвоню, и он у вас определится!.. Нет, сейчас не позвоню, у меня телефон выключен и включить его я не могу. Журналисты одолевают!..

– Понятное дело, – кивнула Авдотья Андреевна. – Вы же еще какая знаменитость!

Сандро словно осекся и посмотрел на нее с некоторым подозрением.

– Эта девушка надо мной смеется, – сказал он брату. – Я прав?

– Прав, прав, – подтвердила Авдотья и встала. Они оба моментально поднялись тоже.

Сидеть в присутствии женщины можно в двух случаях, учил дедушка Дадиани. Если у тебя отнялись ноги и если она угощает тебя обедом. Во всех остальных случаях позволено только стоять.

Авдотья по очереди посмотрела на братьев. Они были значительно выше нее, и ей приходилось смотреть вверх.

– Вот телефон. – Она записала карандашом на бумажке и отдала ее Нику. Тот сунул в карман. Сандро проводил бумажку глазами. – Если понадобится, звоните. Я сделаю все, что нужно. – И пояснила: – Из принципиальных соображений. Я-то точно знаю, что в моей квартире нет и не было никаких Селезневых... как дальше?

– Селезнев Виктор Павлович, – машинально повторил Ник. – Спасибо вам.

– За то, что не вызвали наряд и не выбежали с воплями, – серьезно продолжил Сандро. – Правда, спасибо. И вы очень красивая девушка.

Перед подъездом братья некоторое время постояли молча, один глядел налево, другой направо.

– Ты бы себя в руках держал, – сказал Ник в конце концов. – Смотреть на тебя, козла, тошно.

– Я на ней женюсь, у нас будет трое детей, и все мальчики, – ответил Сандро. – Вот клянусь тебе.

– Бог в помощь.

По бульвару они дошли до первого попавшегося магазина, торговавшего телефонами, купили сим-карту – покупал Ник, а Сандро делал вид, что читает афишу. Как только телефон заработал, Сандро первым делом позвонил Авдотье Андреевне.

– Это я, – сказал он так нежно, словно все трое детей были уже на подходе, – Сандро. Мы только что у вас были с братом!.. Это мой телефон, вы его запишите и не потеряйте!..

Ник пошел быстрее, чтобы не слышать этой чепухи.

... Нужно вернуться на работу, понять, что пошло не так в Новосибирске. Оформить визу в Бразилию. Хотя туда пускают без виз, можно расслабиться.

Нужно разобраться с опасным наследством, но как?.. Как?!

Ник оглянулся на брата, который не отрывался от телефона, размахивал свободной рукой, выписывал ногами кренделя по тротуару, словно танцевал, и улыбался так, что Ник тоже невольно заулыбался. Сандро не станет ничем заниматься. Завтра он улетит в Питер, потому что у него там «баттл», «лайв», «кранк» или еще какая-нибудь чепуха, Ник плохо разбирался в том, чем занят брат. Или наоборот – никуда не полетит, останется в Москве ухаживать за Авдотьей Андреевной Кутайсовой, и тогда есть некоторая надежда, что он свозит ее к майору Мишакову, а она подтвердит, что никаких Селезневых в квартире номер семь в двенадцатом доме по Подколокольному переулку не проживает!..

...И что это даст?

Ну, допустим, некоторую отсрочку и надежду на то, что майор отвяжется. Но Ник отчего-то твердо знал, что майор уже вцепился, впился, как клещ в лосиную шкуру, просто так от него не отвяжешься, он будет прогрызать шкуру до последнего, до конца, до мяса.

– Позвони маме, – сказал Ник в сторону Сандро, который перестал разговаривать и теперь любовно и призывно глядел на телефон, как на саму Авдотью Андреевну.

– Авдотья – это ведь Дуня, да?

– Нет, Шура.

Сандро удивился и перевел взгляд на брата:

– Почему... Шура?

– Маме позвони, – повторил Ник. – Тебя наверняка показывали в новостях, и она наверняка видела, а сейчас у тебя телефон не работает!.. И у нее наверняка... инфаркт.

– Да, да, – спохватился Сандро.

Телефонные номера родителей и друг друга они знали наизусть, Сандро быстро набрал цифры. Нико позвонил аспиранту Олегу и спросил, что слышно из Новосибирска. Тот немедленно стал рассказывать – со всеми подробностями. Подбежал брат и выхватил телефон у него из ладони.

– Ты что?! – рассвирепел Ник. – Обалдел?!

– Маме очень плохо, – едва выговорил Сандро. Губы у него были серые, и Ник вдруг удивился, что у человека могут быть такие серые губы. – Там какие-то посторонние люди, я не понял.

– Где люди?

– Взяли трубу.

– Где она? Ты понял, где она?!

– Дома, – сказал Сандро. – Ник, если она дома, а там посторонние люди, значит, ей совсем плохо, да? Да, Ник?..

Старший брат выскочил на проезжую часть и вскинул руку. Через секунду рядом притормозило желтое такси. Ник полез в машину. Младший подбежал и стал дергать дверь с другой стороны.

– Не открывается! – огрызнулся водитель. – Не открывается она! Туда иди!

Ник не успел подвинуться, Сандро плюхнулся почти к нему на колени.

– Пробки, – сквозь зубы сказал Ник, – мы будем ехать два часа!

– Давай сначала ко мне, я своего водилу вызову. С ним быстрее. Он ездит, как на истребителе летает.

Ник не слушал.

Мать в жизненной системе координат обоих братьев была величиной... незыблемой, вне времени и вне любых жизненных течений. Все имели право стареть, хиреть, отставать от молодых, ничего не понимать в современности и не уметь пользоваться интернетом!.. Все имели право – кроме матери. Мать всегда была и оставалась лучше всех – она не старела или старела как-то так, что братья этого не замечали; она знала по именам всех модных блогеров, и они ее сместили или сердили; она посещала выступления сына, и у нее ни разу не дрогнуло лицо от вязкого, дрянного, неизобретательного мата, которым разговаривали рэперы, их друзья и подружки; она любила и пестовала свой сад, как истинная английская леди, и готовила, как самая настоящая грузинка; она носила джинсы, белые футболки и черные пиджаки, а на церемонию награждения Сандро или на защиту Нико наряжалась так, что к ней весь вечер по очереди приставали все мужчины, от аспиранта Олега и рэпера Сиплого до старенького Михаила Наумовича и поэта Андрея Дмитриевича Дементьева, который знал толк в интересных дамах!..

С ней никогда и ничего не может случиться. Она Нефертити – вечная и прекрасная. Ей не может быть... плохо!.. Она может сердиться, раздражаться и негодовать, но *ей не может быть плохо!* Она всю жизнь жила так, что всем вокруг казалось, что ей хорошо, лучше всех!..

Очень быстро таксист довез их до небоскребов. Заходили они через какую-то пожарную калитку, журналистов возле нее не было, никто их не задержал, и они без помех оказались то ли на сорок восьмом, то ли на пятьдесят четвертом этаже.

– Маргарита Степановна! – заорал Сандро с порога. До этого братья не проронили ни слова. – Данияр приехал?! Позвоните Глебову, скажите, что мы в Луцино! Пусть срочно найдет каких-нибудь врачей! Маргарита, вы слышите меня, вашу мать!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.